

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

М. А. СЕРГЕЕВ

МАЛЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА В ЭПОХУ СОЦИАЛИЗМА

Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие

Сталин

I

За истекшие после Октября тридцать лет осуществлено построение социалистического общества среди всех народов Союза ССР, находившихся на весьма различных ступенях развития.

Так называемые малые народы Сибирского севера занимали в царской России особое место. Состояние этих народов характеризовалось глубокой, всесторонней отсталостью — и в хозяйственном, и в политическом, и в общекультурном отношениях. Ко времени Октябрьской революции народы Севера переживали длительное и сложное переходное состояние от первобытной общины к классовому обществу. Наблюдавшиеся у них формы хозяйства представляли собой различные ступени перехода от патриархального уклада к товарному, а их социальные отношения — разные степени становления классового общества. Неуклонное падение хозяйства, обнищание и голодовки, повышенная смертность, невежество, дикость — все это характеризует положение малых народов Севера в первые десятилетия XX вв. Политика царизма способствовала консервации архаических отношений, искусственно задерживала промышленное развитие Сибири. Туземцы Севера были ярким примером народов, которые старый режим веками «удерживал на ступени первобытной тупости»¹. Но вместе с тем присоединение Сибири к России означало включение отсталого хозяйства этой обширной страны в сферу влияния значительно более передового в экономическом отношении российского государства.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла малым народам Севера социалистическое переустройство их хозяйства и общественных отношений, минуя капиталистическую фазу развития.

«Декларация прав народов России», принятая 3 (16) ноября 1917 г., возвестила равенство всех народов, отмену всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России». К таким «этнографическим группам» принадлежали и малые народы Севера.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), 1933, стр. 246.

Проблема перехода малых народов «из первобытных форм хозяйства» в «стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм», разработана наиболее конкретно в трудах И. В. Сталина по национальному вопросу. И. В. Сталин определил основные принципы и пути социалистического строительства у наиболее отсталого населения. Программные положения эти, высказанные применительно к восточным народностям, относятся полностью к этнографическим группам Севера, из всех народов Союза наиболее близким к первобытно-общинному укладу.

Конкретное содержание национального строительства у малых народов состоит в ликвидации трех форм отсталости — политической, хозяйственной и культурной, указанных И. В. Сталиным².

Важнейшее требование советской национальной политики — учет конкретно-исторической обстановки, в которой застала революция разные этнические группы. Советская национальная политика требует особого ее применения в отдельных районах, у различных народностей, соответственно их конкретному состоянию и уровню развития. Отсюда вытекает необходимость считаться в практике социалистического строительства со всеми (хозяйственными и культурными) особенностями отсталых народов; на эти особенности неоднократно указывали Ленин и Сталин³.

Другое требование ленинско-сталинской национальной политики — особая помощь со стороны Советского государства отсталым народам с преобладанием феодальных или патриархальных отношений. На это также указывали Ленин и Сталин⁴.

История социалистического строительства в Сибири представляет характерный пример строгого учета «исторически-конкретной обстановки», «осмотрительного и продуманного» приспособления общей политики к местным условиям. Отсюда — гибкость в выборе путей национального строительства, своеобразие форм и методов политической, хозяйственной и социально-культурной работы.

При всем разнообразии форм национально-территориальных автономий в Сибири явственно выступают два главных направления в государственно-политическом устройстве, соответствующие двум основным, по культурному уровню, группам сибирских народностей. У более крупных народов, преимущественно скотоводов, отчасти земледельцев — тюрков и монголов, со сравнительно сильным развитием феодальных отношений и элементов капиталистических отношений, государственное советское устройство выразилось в форме автономных республик (бурят-монголы и якуты) и автономных областей (ойроты, хакасы, тувинцы). У малых народов Сибирского Севера, наиболее отсталых охотников, рыболовов и оленеводов, переживавших различные ступени разложения первобытно-общинного строя, строительство происходило в форме национальных округов (остяки и вогулы, ненцы, тунгусы, чукчи, коряки), национальных районов (ламуты, гольды, гиляки) и национальных (туземных) советов (остяко-самоеды, кеты)⁵.

Дата окончательного освобождения Сибири от белогвардейцев — 15 января 1920 г., дата ликвидации интервенции на Дальнем Востоке —

² И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 76, 79.

³ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 431; также т. XXIV, стр. 125—126; т. XXVI, стр. 191 и 243 (здесь, между прочим, прямое указание на Сибирь); И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 314 и 359; Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 398—399; Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 160.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 289, 354; И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 79, 88 и др.

⁵ Мы употребляем здесь те названия народностей, которые упоминаются в документах и литературе того времени, так же как и термины: «туземцы», «туземный».

15 октября 1922 г. На крайнем же севере Сибири и Дальнего Востока события эти наступили в 1921—1923 гг. (на Сахалине — в 1925 г.). Советское строительство у малых народов началось, таким образом, на 4—8 лет позже, чем в центральной России. Между тем, за продолжительный период империалистической и гражданской войн положение северных племен катастрофически ухудшалось. Грабежи белогвардейцев и интервентов, прекращение торговых связей, резкое падение охоты, рыболовства и оленеводства окончательно разорили туземцев. Поступавшие из освобожденных районов Сибири сведения гласили, что «туземцы Севера живут за пределами Конституции РСФСР» (доклад Енисейского губисполкома ВЦИК'у в 1923 г.), нуждаются в «экстренных мерах по спасению»⁶, скорейшем включении их в сферу влияния советской власти.

Правительство немедленно создало специальный орган по устройству малых народов, вследствие чрезвычайной культурной отсталости не способных к самостоятельному осуществлению прав, предоставленных Конституцией. Идея эта родилась в Народном комиссариате по делам национальностей, руководимом И. В. Сталиным. Постановлением Президиума ВЦИК от 20 июня 1924 г. был создан при ВЦИК «Комитет содействия народностям северных окраин» (Комитет Севера)⁷, призванный помочь осуществлению того равноправия, которое юридически было предоставлено «Декларацией» 1917 г. и Конституцией 1918 г. Ему надлежало сплотить, организовать малые народности, пробудить в них сознание своего равноправия, поднять их на высший уровень развития. Задача Комитета состояла в том, чтобы путем развития советских форм управления вовлечь самих туземцев в строительство нового социалистического общества.

В первые годы революции в центре отсутствовали сведения даже о численности и расселении малых народов. Ведомость о населении Севера, составленная по переписи 1920 г., содержала, например, следующие данные: «Гиперборейцы, юкагиры, чукчи, коряки, камчадалы, айны, телеуты — 67 605 чел., прочие — 545 999 чел.». Первый по времени закон о «туземцах северных окраин» (см. далее «Временное положение» 1926 г.) приводил, наряду с обычными литературными названиями и некоторыми самоназваниями существующих этнографических групп, много наименований отдельных мелких, локальных и родовых подразделений (юраки, орочны, самагиры, манегры, манджу, тазы, карагинцы, олюторы, кереки) или давно исчезнувших групп (солоны, бирары, дауры), или такие неопределенные указания, как «орды затундринских обществ». В дальнейшем, по мере выяснения этнической принадлежности и расселения народностей Севера, перечень их постепенно уточнялся⁸ и в начале 30-х годов определился окончательно. В группу «малых народов Севера» вошло 27 народностей, в том числе 26 сибирских⁹ (две из них — ненцы и вогулы — живут частично и в Европейской части СССР) и одна (лопари — саамы), обитающая исключительно на европейском севере.

Десятилетняя деятельность Комитета явилась реализацией программы по национальному строительству, намеченной Сталиным применительно к наиболее отсталым народностям.

⁶ Эти и последующие выписки из местных документов (докладов, протоколов и пр.), за исключением особо оговоренных, почерпнуты в Архиве Комитета Севера.

⁷ Собр. узак. и распор., 1924 г., № 57, ст. 556 и 1925 г., № 12, ст. 79.

⁸ См. Собр. узак. и распор., 1927 г., № 34, ст. 225; 1928 г., № 21, ст. 186; 1929 г., № 2, ст. 15; 1933 г., № 49, ст. 209.

⁹ Сюда относятся: обские угры (остяки и вогулы), все самоеды (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы), тунгусо-маньчжур (тунгусы, долганы, ламуты, негидальцы, голды, ульчи, орочи, ороки, удэ), палеоазиаты (чукчи, коряки, камчадалы-ительмены, юкагиры, чувачцы, эскимосы, алуоты, гиляки, кеты), из тюрков — карагасы и сойоты (тункинские).

Ценным памятником первых этапов строительства служит обширное и разнообразное законодательство, относящееся к малым народам, «переустройству их быта на социалистических началах», «социалистической перестройке сельского и промышленного хозяйства» и т. д. Многочисленные постановления, касающиеся административного и земельного устройства, революционной законности, снабжения, кооперирования, школьного и больничного строительства и пр., иллюстрируют особые заботы и особые формы помощи малым народам. Одновременно производились значительные материальные затраты на подъем их хозяйства и культуры.

Первоначальная советизация северных районов Сибири осуществилась, ввиду сохранившихся сильных пережитков родовых отношений, на основе родового деления населения. Построение первичных советов требовало организации населения, стягивания его отдельных и разрозненных частей. Применение нормального территориального принципа было в то время невозможно за отсутствием сведений о расселении народностей, о взаимосвязях распыленных групп, о связи их с определенными территориями. Единственным возможным признаком при организации населения была осознаваемая им самим родовая связь. Низовые советы могли при этом условии объединить вокруг себя как органов власти определенные группы, сознающие свое этническое единство и осваивающие общеродовые (известные им самим) территории.

Принятое в 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР «Временное положение об управлении туземных народностей и племен Северных окраин РСФСР»¹⁰ положило начало административно-судебному устройству. Органами местного управления были: родовые собрания, родовые советы, районные туземные съезды и районные туземные исполнительные комитеты. Низовой коллективной единицей принят был род «или другое туземное объединение (ватага, наслег, улус и т. п.)», имеющее определенную территорию хозяйственно-промысловой деятельности. На общем родовом собрании выбирался родовый совет. Следующей ступенью была совокупность нескольких коллективных единиц (родов или других туземных объединений), принадлежащих к одному племени и занимающих известную территорию. Территория эта управлялась районным туземным исполнительным комитетом («тузрик»), избиравшимся на районном туземном съезде (нескольких родов или других объединений).

«Временное положение» во всех своих деталях исходило из особенностей быта и состояния малых народов. Одновременно с советами был введен туземный суд, действовавший на основе обычного права.

Самые принципы «Временного положения» и весь порядок его применения осуществляли важнейшую задачу национальной политики, состоявшую в том, чтобы помочь отсталым народам «развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов»¹¹. Следует подчеркнуть, что «Положение» 1926 г. было временным, рассчитанным на подготовку населения к организации нормальных советов.

В тех случаях, когда сильное разложение родовых связей делало невозможным или нецелесообразным строительство советов по «ватажному» (родовому) признаку (как, например, у гольдсов, ульчей, гиляков, негидальцев, собственно тунгусов), советы были организованы по территориально-национальному принципу. По тому же принципу были сны созданы у крайне-западных ненцев (канино-тиманских и малоземельских) и у эскимосов (так называемые лагерные комитеты).

¹⁰ Собр. Узак. и распор., 1926 г., № 73, ст. 575.

¹¹ Из резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе».

Деятельность первых родовых советов протекала в сложной обстановке. Население было не в состоянии организовать собственными силами, неспособно было осознать смысл совершавшегося великого переворота. Ему были непонятны самые принципы сменившей старую администрацию власти: выборность, коллективность, самоуправляемость. У малых народов еще были крепки традиции подчинения единовластию родовых «князьцов», старшин, тойонов и т. д. Сугланы, как общеродовые правомочные собрания, выродились в фикцию: на них вершили дела те же князьцы и русская чиновная администрация, процветало спаивание.

Первое время власть советов воспринималась населением исключительно в форме единоличной власти председателей¹².

Не сразу уяснили туземцы разницу между советами и судами. Раньше и административные, и судебные функции осуществлялись одним лицом (тем же князьцом). В советских условиях суд, как таковой, был еще понятен туземцам, но далеко не так обстояло с советами: взимание ясака отпало, а основная деятельность советов (административная и особенно хозяйственная и социально-культурная) была совершенно нова и непонятна. Отсюда, очевидно, родилось сопоставление суда и совета: туземный суд был «большой начальник», больший, чем совет.

Немало препятствий встретило привлечение в советы женщин; их неизменно устранили даже от обсуждения общественных дел. Архивы того времени хранят фотографию группы тунгусок, приехавших на суглан, но не допущенных на него и сидящих в стороне от своих мужей и отцов.

Велики были организационные трудности. В глухих местах, отрезанных в то время даже от ближайших русских пунктов, первоначальную связь с населением устанавливали иногда торговые организации. В Хатангской тундре в 1924 г. «советы» были просто назначены работниками кооперации. Родовые собрания и съезды приходилось назначать чуть ли не за год; иначе не удавалось собрать даже членов одного рода.

Если упомянуть еще о значительном влиянии, а иногда и непосредственном участии в первых советах враждебных элементов, о пассивности бедноты, о сплошной неграмотности, то общая картина совершенно ясна. Понятен поэтому и затяжной характер становления советской власти у малых народов.

В этих условиях была предпринята большая разъяснительная работа, чтобы сделать советскую власть «прежде всего понятной» для местного населения. Нужно было помочь им осмыслить необходимость полной перестройки старой жизни, осознать идеи и задачи советской власти, принципы управления, значение здравоохранения и просвещения и пр. Только так можно было пробудить самодеятельность населения, достичь понимания того, что «советская власть не есть власть, оторванная от народа,— наоборот, она единственная в своем роде власть, вышедшая из русских народных масс и родная, близкая для них»¹³.

Деятельность советов распространилась постепенно на всю местную жизнь и стала наглядно полезной, понятной населению. Советы боролись с нарушением правил охоты, заботились о снабжении, оказывали материальную помощь бедноте. При большинстве советов были созданы для этого Комитеты взаимопомощи, выдававшие бедноте ссуды оленями, огнеприпасами, продуктами питания. Создавались, на случай бывавших в то время голодков, общественные запасы питания — мясные ямы на Чукотке, склады юколы у коряков. Население почувствовало улучшение

¹² Архивы содержат характерные иллюстрации такого понимания. Председатели туземных органов говорили обычно о себе: «я — родовой совет» или «я — тузрик»; на вопрос о местонахождении совета следовал часто ответ: «родовой совет (т. е. председатель) уехал».

¹³ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 61.

своего положения: «Раньше бедные сильно голодали; теперь бедные не голодают — кормиться можно», — говорили тунгусы.

Присвоение советам права административного взывания, а местным районным исполнительным комитетам — издания обязательных постановлений, самостоятельного распоряжения соответственными денежными средствами, способствовало укреплению авторитета советов. Даже наличие у них печати импонировало местному населению, и акт ее передачи принимал иногда торжественный характер. Постепенно местное население начало понимать, что ему принадлежит власть, стало чувствовать себя хозяином тайги и тундры. Вокруг советов появился актив, усвоивший элементарные представления о советской власти, охотно помогавший в работе. Из этого актива вышли первые комсомольцы и партии Крайнего Севера.

Сеть советов стала расширяться. Население глухих отдаленных районов, где советов еще не было, узнавало о новой власти, заботящейся о трудящихся, и, не умея организовать их, обращалось за помощью к приезжавшим торговым работникам, врачам. Гиляки Ныйвы и окрестных селений потребовали открытия нового совета, так как ближайший к ним — Лунский — был слишком удален от них. «Плохо наши люди на Онгол и в Дженке живут — у них нет своего туземного совета», — жаловались торгонские гольды. Собравшиеся на суглан таймырские, чунские и другие тунгусы сами решили организовать не один, а два родовых совета. К 1930 г. у малых народов действовали уже 381 родовой совет и 61 туземный районный исполнительный комитет.

Наиболее наглядной и убедительной для местного населения явилась советская экономическая политика, состоявшая в конкретной помощи населению, в постоянных заботах об его нуждах. Постановления правительства РСФСР и СССР от 1927 г. и следующих лет малые народы были освобождены от уплаты всех налогов, сборов и пошлин¹⁴.

Сильно улучшила положение малых народностей уже в эти первые годы борьба советской власти с их эксплуатацией частными торговцами (неэквивалентный обмен пушины, спаивание, наследственное долговое закабаление). Постановления правительства РСФСР 1924—1929 гг.¹⁵ сначала ограничили, а затем совершенно прекратили деятельность частного капитала «на окраинах Крайнего Севера, находящихся в особых бытовых и хозяйственных условиях». В 1927—1930 гг. запрещен ввоз и продажа спиртных напитков на северных окраинах¹⁶. Нарушителям грозили: штраф, принудительные работы, конфискация предмета сделки, высылка и запрет проживания на северных окраинах. Все сделки с туземцами, связанные с торговлей алкогольными напитками, отныне считались недействительными.

Много внимания было уделено восстановлению промыслового хозяйства малых народов. Основные промыслы, особенно пушная охота, находились в сильном упадке. Разнообразные меры были направлены на восстановление и охрану сырьевой базы (естественных запасов промысловой фауны) и на регулирование самого процесса добычи¹⁷.

¹⁴ Собр. узак. и распор., 1927 г., № 34, ст. 225; 1928 г., № 21, ст. 186; 1931 г., № 7, ст. 85; 1933 г., № 32, ст. 188 и др.

¹⁵ См. постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 9 января 1924 г. «О порядке осуществления мероприятий, имеющих целью охрану туземцев Севера от эксплуатации»; от 7 сентября 1925 г. «О мероприятиях, направленных к организации правильной торговли в северных окраинах РСФСР и защите туземного населения от торговой эксплуатации со стороны частного капитала» (Собр. узак. и распор., 1924 г., № 18, ст. 180; 1925 г., № 61, ст. 498).

¹⁶ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 мая 1930 г. (Собр. узак. и распор., 1930 г., № 31, ст. 406) и др.

¹⁷ Не имея возможности останавливаться на этом вопросе, сослался на известное «Положение об охотничьем хозяйстве» (Собр. узак. и расп., 1923 г., № 17, ст. 216 и 1930 г., № 9, ст. 109) и «Положение о рыбном хозяйстве» (там же, 1927 г., № 102,

Среди других мер по укреплению туземного хозяйства надо упомянуть о начатом в те годы землеустройстве малых народов. Землеустройство должно было «обеспечить действительную охрану экономических интересов малых народов Севера, особенно в отношении закрепления за ними в трудовое пользование необходимых для ведения их хозяйства угодий»¹⁸. Оно разрешало важные политические и хозяйственные задачи: защищало местное население от возможных утеснений при отводе земель предприятиям и новопоселенцам, «прекращало захваты туземных угодий местными и пришлыми сторонними пользователями», лишало «пользования угодьями отдельных лиц и их групп, если они эксплуатировали население или ведут хищническое использование угодий».

В результате районы Крайнего Севера были очищены от самовольных поселенцев, скупщиков пушнины, торговцев спиртом и опиумом («ижемцев» в Канино-Тиманской тундре, староверов в Нарыме, «ангарцев» на Енисее, «карагасников» на Саянах, китайцев в Уссурийском крае). Землеустройство было необходимой предпосылкой для последующего хозяйственного планирования и национально-территориального районирования Крайнего Севера.

Все эти меры имели большое значение для уничтожения губительного колониального наследия. Они положили начало ликвидации нищеты и явились сильным фактором перелома в отношении населения к новой власти.

Самым мощным средством подъема и перестройки местного хозяйства и быта была на этом этапе торгово-кооперативная политика. Плановость, регулярность и полнота снабжения составляли предмет большого внимания советского правительства, начиная с первых лет советизации¹⁹. Значительную помощь малым народам оказало устройство «хлебозапасных магазинов для туземного населения Севера в целях поддержания его экономического благосостояния и хозяйственного развития»²⁰. Магазины эти выдавали ссуды «при стихийных бедствиях в непромысловые годы и, в отдельных случаях, маломощным хозяйствам». Коренные изменения претерпел ассортимент снабжения. Исчезли спиртные напитки и разная колониальная «заваль», появились «тяжеловесы» (мука, крупа, сахар), почти отсутствовавшие в прошлом вследствие невыгодности транспортировки их. Промысловое и хозяйственно-бытовое снабжение, сводившееся раньше лишь к ружьям, огнеприпасам и металлической посуде, значительно расширилось и состояло из разнообразных инструментов, орудий, материалов и сырья, в зависимости от местных особенностей. Началось широкое кредитование беднейшего населения товарами.

Большая перемена произошла в области сбыта местной продукции. Орудовавшие в прошлом частные капиталисты скупали, за редкими исключениями (европейские тундры, Обь, Амур), только пушнину. Советские заготовки распространились на самую разнообразную промыслово-оленьеводческую и кустарную продукцию (рыба, шкуры, сало и другие продукты морской охоты, оленье сырье, мясо диких зверей и птиц, орехи, ягоды, изделия домашнего производства). Это расширение сбыта сильно повысило товарность хозяйства, улучшило материальное положение населения.

ст. 684), на устройство заповедников и заказников, применение запусков, запрет вредных орудий добычи (кулём на соболя, крючковых снастей на рыбу и т. д.).

¹⁸ См. Собр. узак. и расп., 1931 г., № 60, ст. 437 и 1930 г., № 40, ст. 547 («Положение о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового населения северных окраин РСФСР»).

¹⁹ См. закон «О снабжении населения Крайнего Севера продовольствием и предметами первой необходимости» (Собр. узак. 1924 г., № 62, ст. 605), установивший впервые принцип «планового снабжения» малых народностей.

²⁰ Собран. узак., 1926 г., № 31, ст. 236.

Благотворную роль сыграла политика цен, исходившая из интересов местного населения: твердые отпускные цены на привозные товары и твердые заготовительные цены на местную продукцию, в том числе и на пушнину. Население почувствовало реальные блага, принесенные новой властью ²¹.

Тогда же началась ликвидация «торговых пустынь» Крайнего Севера. Торговая сеть увеличилась с 677 точек (факторий, кооперативов, госторгов, агентур) в 1926 г. до 1865 в 1933 г., т. е. за семь лет почти втрое. Глубинные, особенно кочевые, районы обслуживались развозным торгом, возродившимися, но совершенно изменившими свое лицо туземными ярмарками и (впоследствии) колхозными базарами.

Важнейшим проводником экономической политики была в те годы интегральная кооперация. Своеобразие обстановки (чрезвычайная распыленность населения на громадных пространствах, комплексный характер хозяйства и т. д.) вызвало организацию единой кооперации смешанного (интегрального) типа, которая могла охватить все население, все стороны его деятельности. Советское законодательство подчеркивало соответствие интегральной формы хозяйственному укладу малых народов и отнесло к ее задачам и торговые, и кредитные, и производственные операции ²².

Туземные кооперативы стали возникать в 1924 г. и в ближайшие два года появились во всех районах обитания малых народов от Канино-Тиманской тундры до Чукотки. Кооперативы оказывали разнообразную помощь населению: снабжали его средствами производства и материалами, обслуживали ремонтными мастерскими. В первые годы население получило (частью бесплатно) свыше 10 тыс. нарезных ружей с патронами, много капканов, сетей и пр. В дальнейшем кооперация проникла еще глубже в местное хозяйство. По мере своего укрепления кооперация начала охватывать различные производственные объединения народов Севера, юридически не оформленные, получившие название «диких», «неуставных» или «бытовых» артелей. Организация кооперированного труда облегчалась тем обстоятельством, что многие способы промысла по самой природе своей требовали коллективных усилий (заборы и заезды в рыболовстве, загоны и облавы в сухопутной охоте, добыча моржей и китов в морской охоте, промысел линной птицы). В 1926—1927 гг. действовали повсюду, при интегральных кооперативах, разнообразные промысловые «артели». Наиболее широко распространены они были в рыболовстве, требовавшем больших трудовых затрат и в процессе подготовки к промыслу, и в самом лове. Кооперация предоставляла таким объединениям крупные и дорогие орудия добычи, непосильные для индивидуального хозяйства. У народностей низовьев Амура было учтено в 1927 г. до 70 артелей, много их было на Оби и на Енисее. В тайге — у охотских и камчатских ламутов, у карагас, тунгусов и др. — действовали сезонные объединения охотников, которых кооперация обеспечивала оружием и снаряжением. Образовались «товарищества» по грузоперевозкам у тунгусов. У морских охотников (чукчей и эскимосов, пенжинских коряков) такие объединения при кооперативах назывались «промысловыми группами». Производственно-экономической базой их служили вельботы с необходимым оборудованием, предоставленные

²¹ «При царе жилось плохо, — говорили туринские тунгусы, — не было оленей, не было товаров, пороха, муки. Промышлять было нечем. Сейчас, при советской власти, жить стало лучше, есть и олени, и порох, и мука, и другие товары» (Н. Никульшин, Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков, Л., 1939).

²² Собр. узак., 1929 г., № 2, ст. 13 и № 58, ст. 564; 1931 г., № 26, ст. 217; 1933 г., № 53, ст. 309.

кооперацией. У гольдов появились «артели» даже в таких новых отраслях, как огородничество и лесозаготовки.

Возникли и женские объединения — «бригады» по обработке шкур и пошивке одежды и обуви (у тунгусов, ламутов, гольдов, чукчей, коряков, эскимосов и др.), по выделке мешков из налимьей кожи и берестяных тисок (у остяков, ненцев), по вышивке художественных изделий (у остяков, ненцев, гольдов и др.). Многие из этих «прикооперативных» объединений послужили ячейками будущих колхозов, строительство которых развернулось в последующее время.

Советская власть на Сибирском севере осуществляла ленинский кооперативный план переустройства крестьянского хозяйства, разработанный и претворенный в жизнь Сталиным, план, включавший все формы кооперации — от низшей, снабженческо-сбытовой, до высшей — производственно-колхозной.

Отношение малых народностей к кооперации — одна из интересных страниц в истории национального строительства. Кооперация была наиболее доступной пониманию жителей Севера формой советской организации, непосредственно их касавшейся, и притом на важнейшем для населения участке. Большим преимуществом, сравнительно с прошлым, было значительное приближение товаров к населению. У него отпала необходимость отправляться лично на далекие фабрики или поручать свои торговые дела посреднику-эксплуататору. Очень целесообразным и удобным оказалось сосредоточение в одном месте и продажи товаров, и покупки местного сырья, и кредитных операций и пр.²³ Полезную работу кооперации население чувствовало не только в области торговли, но и во всей своей жизни. Кредитование бедноты на покупку оленей, предоставление объединениям более совершенных и эффективных средств добычи, содействие развитию новых отраслей производства, широкое и дешевое кредитование (особенно бедноты) мукой, удешевление привозных товаров и хорошая оплата местного сырья²⁴, активное участие в строительстве школ и медицинских пунктов — не могли не поднять авторитета кооперации. Отсюда понятна популярность кооперации у самых широких масс, считавших ее своей. Этим объясняется быстрый рост кооперирования местного населения. В начале 30-х годов кооперация охватывала от 40 до 100% хозяйств малых народов (у карагас — 100%, у вогулов — 91,5%, у остяков — 90,4%, у народов Амура — 73,3%, у ненцев — 42,5%). Кооперативы стали первыми очагами общественной жизни малых народностей. Они шли туда со всеми своими делами и находили невиданные ими до того культурные развлечения — кинематограф и радиовещание, даже «заезжую избушку» с излюбленным чаем. Вокруг интегральной кооперации создался первый туземный актив, насчитывавший немало женщин; многие кооперативы даже в глухих местах, как Чукотка, обслуживались самими туземцами. Кооперация выполнила громадную воспитательную работу. Она приучила население к сознательному ведению своих хозяйственных дел и была первой школой общественной работы.

Уничтожение главной формы эксплуатации — торгового капитала достигнуто было сравнительно легко. Эта эксплуатация имела явные формы, и носителями ее были чуждые и ненавидимые населению торговцы.

²³ Верное понимание кооперации хорошо выразили карагасы: «Своя лавка пользу приносит. В одну кучу класть, из одной кучи брать — лучше» (Очерки жизни и быта карагас, Иркутск, 1926).

²⁴ Торговля у малых народов носила в эти годы (да и много позже) форму прямого обмена промысловой продукции на товары по определенным твердым расценкам в денежном выражении. Законодательство о снабжении неземледельческого населения Крайнего Севера упоминает поэтому наряду со словом «продажа» и термин «товарообмен» (Собр. узак., 1924 г., № 62, ст. 605; 1926 г., № 31, ст. 236).

Аналогично обстояло дело и с другими эксплуататорами — бывшей царской администрацией, самовольными засельщиками — захватчиками угодий и пр. Борьба с ними была завершена в первые годы административно-судебным и экономическим путем (запрет частной торговли, аннулирование прежней задолженности, выселение торговцев). В 1931 г. СНК РСФСР уже констатировал «освобождение туземцев и трудового населения Крайнего Севера от вековой эксплуатации частного капитала путем ликвидации в основном в районах расселения малых народов частного торгово-посреднического и прочего предпринимательства, замененного кооперацией и государственными хозорганами»²⁵.

Сложнее протекала борьба с туземными эксплуататорами, сохранившими в значительной степени свои позиции и в советах, и в экономике. Хотя «Временное положение» о советах и лишало избирательных прав лиц, предусмотренных ст. 69 Конституции РСФСР, но родовой принцип построения советов не обеспечивал полного устранения «старших», «лучших» сородичей, бывших зачастую и эксплуататорами. Во многие советы проникли «кулаки» и близкие к ним крепкие «середняки»²⁶, в некоторых (у тунгусов, чукчей, эскимосов) беднота первое время в советах отсутствовала. Но даже и не будучи в составе советов, тойоны, старшины пользовались, по традиции, большим влиянием на родовых собраниях, где решались важнейшие дела. Еще сильнее было это влияние в хозяйственной жизни. Уничтожение частной торговли, сосредоточение всех операций в кооперативных и государственных организациях, приближение торговой сети к населению — подрывали зависимость его от туземных посредников. Однако в глухих местах с недостаточной торговой сетью (в начале 30-х годов на Тобольском севере и в Якутии одна торговая точка приходилась на 5—10 тыс. кв. км., на Дальневосточном севере — на 10—20 тыс. кв. км.) посредники еще орудовали. Сохранилось и экономическое господство крупных оленеводов как держателей основного источника существования тундровой бедноты.

Советская политика по отношению к различным социальным группам исходила из общих принципов национального строительства у остальных народностей, прежде всего из конкретно-исторической обстановки их бытия. Применительно к малым народам нельзя было не считаться с исключительной неразвитостью классового самосознания трудящихся, с гнетом вековых традиций, с неограниченным влиянием крупных оленеводов. Отсюда вытекала недопустимость чисто административной борьбы с туземными эксплуататорами и осуществления ее силами русских советских работников. Глосное администрирование привело бы к затемнению социальных противоречий, к объединению туземцев-трудящихся с «кулаками» и шаманами в общем сопротивлении «русским начальникам» во имя «общеродовых» интересов. Борьбу следовало осуществлять силами самого местного населения, а для этого нужно было рассеять ту видимость патриархальных отношений, которая затуманивала классовое самосознание, сглаживала социальные противоречия и прикрывала эксплуатацию, нужно было привести массы к пониманию противоположности интересов трудящихся и эксплуататоров, создать крепкий туземный актив, завоевать доверие трудовой части населения. Именно в этом направлении велась непрестанная разъяснительная работа и действовала охарактеризованная выше экономическая политика советской власти, давшая возможность «народным массам вкушать от материальных благ революции»²⁷ и привлекавшая их на сторону новой власти.

²⁵ Постановление СНК РСФСР «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера» от 8 сентября 1931 г., № 957.

²⁶ Эти термины применены в данном случае лишь условно.

²⁷ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 61.

Это позволило уже в первые годы начать наступление на эксплуататорские группы путем их ограничения, изоляции и вытеснения. По инициативе трудовой части населения, эксплуататоров лишали избирательных прав и устраняли из советов. Применялся классовый принцип в землеустройстве и снабжении. Крупным оленеводам давали твердые задания по поставкам оленей, пушнины, рыбы; неисполнение этих заданий вызывало штрафы и конфискацию. Отпуск нормированных товаров обуславливался обязательной сдачей оленьей продукции.

Кулачество ожесточенно боролось с новой властью, активно противодействовало всем ее начинаниям — организации советов, кооперированию населения, строительству совхозов. Известны случаи существования в некоторых местах, наряду с официальными советами, «нелегальных» родовых управлений во главе со старыми князьями, творившими суд и расправу. На родовых собраниях и в советах эксплуататоры нередко добивались враждебных советской политике решений: прикрепления бедняков «на еду» (на прокормление) к кулакам, выгодной для богатых разверстки угодий или подушной раскладки местных сборов. Ожесточенное сопротивление встретило вовлечение женщин в социалистическое строительство, борьба за их равноправие, за участие в общественной жизни, за отмену калыма, сорората и левирата.

Стремясь сохранить влияние на бедноту и восстановить против советов всю туземную массу в целом, кулаки пользовались пережитками старой патриархальной идеологии. «Неправильно делить один народ на богатых и бедных». «Богатые и бедные живут вместе, одинаковой жизнью». Богатый — покровитель и благодетель бедняков. Он защищает «своих людей» от высоких кооперативных паев, от сдачи рыбы, от школы и «русского шамана» — врача. Он их «кормилец», заботится о них, а бедняки тоже «помогают» ему. Покорность зависимой бедноты поддерживалась экономическим воздействием — «кормлением», задачей скота, подарками.

Однако беднота даже самых глухих тундр начала сознавать необходимость борьбы с эксплуататорами. Вместо обычных ответов: «Я боюсь хозяина, потому что пью и ем у него», — послышались радикальные высказывания: «Мы знаем, что за оленями ходим мы; если мы за ними ходим, то они должны быть нашими, это верно», — говорили на собраниях коряки-пастухи Пенжинского района. В начале 30-х годов оленеводческое кулачество было значительно ослаблено во многих местах: в ненецких тундрах, от Канино-Тиманской до Ямала включительно, на севере современных округов Ханты-Мансийского и Эвенкийского, на Таймыре и в Якутии. В других, более глухих районах — на Сосве и Казыме, на Югане и Вахе, в Корякии и особенно на Чукотке оленеводы-кулаки были еще сильны.

Важнейшей предпосылкой успехов на этом этапе было социально-культурное строительство, направленное к ликвидации общей культурной отсталости малых народов. Именно в эти годы началось приобщение их к просвещению и образованию, положено начало заботам об их физическом состоянии, внесены в быт зачатки культурных навыков. Большое своеобразие имело и в этой работе. Обычные формы ее — школьное обучение и ликвидация неграмотности, политико-просветительная деятельность, лечебная помощь и пр. — были приспособлены к местным условиям. Так возникли, наряду со стационарными, передвижные учреждения, осуществлявшие комплексное обслуживание населения.

Оригинальной формой явились культурные базы Комитета Севера в составе: школы-интерната с детским домом, больницы с амбулаторией и яслями, «дома туземца», клуба, радио- и киноустановки, ветеринарно-зоотехнического пункта, показательных ремесленных мастерских, исследовательской краеведческой ячейки. Устраивали их в наиболее глухих, изолированных местах, куда тяготели оседлые и кочевые

туземцы²⁸. «Положение о культурных базах» подчиняло их работу «основной цели — вовлечению всех туземцев в социалистическое строительство и превращению баз в центры хозяйственно-культурной жизни каждой народности»; при этом подчеркивалось, что «достижение этой цели невозможно без глубокого всестороннего изучения людей и природы северных районов». Помимо просветительной и лечебной работы, культбазы создали много показательных производственных и бытовых предприятий. Таковы были питомники племенных собак, оленей и пушных зверей, опытные агрономические и животноводческие пункты, столярные, слесарные, сетевязальные мастерские, показательные хлебопекарни, даже жилища. Действовали различные курсы по подготовке работников из местного населения.

Население скоро оценило деятельность культбаз. И мужчины, и женщины вошли в их повседневную работу в качестве пастухов и каюров, санитарок. Туземки учились правильному уходу за детьми, стирке белья, хлебопечению. Мужчины становились слесарями, механиками, кооперативными и советскими работниками. Показательная работа баз распространилась далеко по тайге и тундре.

В ближайшие годы базы стали настоящими туземными городками, подлинными «центрами хозяйственно-культурной жизни» северных народностей. Там обычно находились туземные советы и районные исполнительные комитеты, интегральные кооперативы, учреждения связи и т. д. Около баз возникали первые туземные колхозы (Хаседа-Хард, бухта Лаврентия и другие).

Культурным базам Комитета Севера принадлежит почетное место в истории национального строительства на Крайнем Севере, и деятельность их заслуженно привлекала внимание многих иностранных ученых и общественных деятелей.

Аналогичным комплексом были широко распространенные на Севере передвижные «красные чумы», которые вели политико-воспитательную, культурно-бытовую и санитарно-просветительную работу среди населения, не охваченного стационарными учреждениями (культбазами и «домами туземца»). Красные чумы передвигались на оленях, собаках и лодках («красные лодки»), сопутствуя кочевому населению, останавливаясь в местах массового скопления туземцев на сугланах, ярмарках, факториях. Работа их охватывала все стороны жизни населения, от ухода за детьми до борьбы со знахарством.

В 1925—1926 гг. появились первые туземные школы, а к 1929—1930 гг. на Сибирском севере (кроме Якутской и Бурят-Монгольской АССР) было уже 131 школа. Учились в них, в среднем, около 20% детей школьного возраста (от 9 до 69% в отдельных районах). Значительная часть школ была интернатами. Стационарная сеть дополнялась передвижными школами, обслуживавшими наиболее удаленные кочевые группы.

Привлечение детей в школы встретило вначале сильное противодействие населения. От открытия школ до появления первых учеников проходило иногда два года в уговорах и разъяснениях. Учителя ездили по району, обходили юрты и чумы, долго увещевали родителей отдать детей в школу. Туземцы говорили: «Учить оленя надо, учить собаку надо, но зачем учить человека? Он и сам знает, как надо промышлять

²⁸ Комитетом Севера были открыты следующие культбазы: Хаседа-Хард, Ярсале и Хальмер-Сэдэ (для большеземельских и ямальских ненцев и тазовских ненцев и селькупов), Сосвинская (для вогулов), Казымская (для остяков), Туринская, Усть-Калаканская, Усть-Майская и Чумиканская (для енисейских, витимо-олекминских, алдано-майских и чумиканских тунгусов), Хатангская (для долган и иганасан), Нагаевская (ламутская), Сахалинская (для гиляков, ороков, тунгусов), Пенжинская (корякская), Чаунская и Вилунейская (для одноименных чукчей), Чукотская — в бухте Лаврентия (для чукчей и эскимосов).

и жить; чему полезному может научить его школа, да еще русская?» Родители боялись, что дети, узнав в школе что-то новое, неизвестное самим родителям, отобьются от старой жизни, разучатся охотиться и рыбачить, пропадут в гундре и тайге. Особенно непопулярна была школа в таких глухих местах, как внутренний Ямал, Гыданская и Тазовская тундры, Казым, Вах, Таймыр, Чукотка.

Эти сомнения были хорошо выражены делегатами на одном из первых пленумов Комитета Севера: «Наш народ поручил нам спросить у самого большого начальника: а правду ли на месте нам говорят, что нам нужно учиться и что мы должны отдавать детей в школы?»

Стремясь изолировать население от советского русского влияния, кулаки и шаманы агитировали против образования. Они противодействовали вербовке в школы, апеллируя к родительским чувствам (тягость разлуки с детьми), указывая на существенную помощь от детей в хозяйстве, запугивая и родителей и детей разными мнимыми бедами.

Враждебному влиянию была противопоставлена энергичная борьба за школу. Наглядная польза всей советской политики, интерес самих детей к тому новому, что несла школа, — довершили перелом, и через один—два года школы были полны.

Работа северных педагогов была нелегка. Дети поступали в интернаты привычными к совершенно иному быту. Все им в школе было в диковинку; они долго и с трудом воспринимали элементарные культурные навыки. Много недель проходило, пока они приучались носить белье и раздеваться на ночь, спать на кроватях, мыться, пользоваться мебелью и посудой. Постепенно дети привыкали к новому быту. Ненецкий школьник, долго сопротивлявшийся первой стрижке, сам напоминал о ней перед каникулами, так как это спасало его летом от паразитов. А за ним требовал того же его младший брат, не побывавший еще в школе.

Вся работа школы исходила из особенностей быта северных народностей, была приспособлена к их нуждам. Учебные планы строились на краеведческом материале (более понятном и нужном для школьников), применительно к главным типам местного хозяйства — оленеводческому, охотничьему и рыболовецкому. Распределение учебного года соответствовало хозяйственному календарю населения. Обучение состояло из очень ограниченного круга знаний по языку и арифметике. Преподавание в эти первые годы велось на русском языке и было сопряжено с большими трудностями. Практиковалась разнообразная методика. В одних школах применялось запоминание графических образов слов с помощью самодельных рисунков, в других — буквенный или слоговой метод.

Родители внимательно следили за жизнью и учебой детей в школах-интернатах и убеждались, что им живется там лучше, чем дома²⁹. В дальнейшем население уже само требовало открытия новых школ, снабжало их юколой, олениной, само потянулось в школы. Взрослые люди нередко приезжали в интернаты, заявляя: «Мы не уедем отсюда, учи нас читать и считать, будем вместе с детьми учиться», — и садились на школьные парты рядом с сыновьями и внуками.

Трудно переоценить культурное значение северной школы. Пионеры-школьники были активными проводниками советского влияния в туземные массы. Они приносили в семью материалистическое объяснение явлений природы, новые представления об общественной жизни и советской власти, знакомство с русским языком, культурные навыки

²⁹ Вспоминается по этому поводу следующий эпизод. В корякском интернате несколько ребят погибло от кори. Учителя пришли в смятение, опасаясь, что население перестанет отдавать детей учиться. Между тем отец одного из умерших привел другого сына со словами: «Старший помер — так возьми этого». Объяснялось это тем, что в стойбищах эпидемия была сильнее, чем в школе. (Из дневника автора).

(мыло, гребенка, нательное белье). А следом появлялся букварь, правда, еще не доступный взрослым.

Окончившие школу туземцы продолжали образование на курсах и в туземных стедениях техникумов, рабочих факультетов, советско-партийных школ и школ промысловой молодежи в различных городах Сибири (Тобольск, Туруханск, Игарка и др.). Позднее возникли самостоятельные туземные техникумы и училища (Колпашево, Енисейск, Хабаровск, Николаевск на Амуре и др.). Видное место в подготовке туземных кадров занял Институт народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смирнова. Зародышем его была северная группа рабочего факультета (впоследствии Северный факультет) Ленинградского университета; там появились в 1925 г. первые 26 студентов — туземцев Крайнего Севера.

Развернулась массовая политико-просветительная работа. Широко использовались для этого все формы общения с населением на родовых и кооперативных собраниях, на культурных базах и ярмарках, в заезжих домах («дома туземцев»), избах-читальнях. Туземцы засыпали работников самыми разнообразными вопросами и любили получать разъяснения в повествовательной форме. Многие политические доклады облекались поэтому в форму рассказов.

Уже в это время родилось стремление к просвещению среди взрослого населения. Сымские и токминские тунгусы, остяки и другие туземцы, работавшие в советах и кооперативах, самоучками или с помощью русских соседей усваивали грамоту, счетоводство. Ургувай, председатель одного из первых гилякских колхозов, жаловался: «Надо свободное время учиться, а то плохо — неграмотный председатель», и отправился на пункт ликбеза, хотя ему было уже 54 года. Однако, хотя к началу 30-х годов грамотность у малых народностей несколько поднялась, но во многих районах тайги и тундры, особенно среди кочевников, царил еще в то время сплошной неграмотности.

Проникновение медицинской помощи сопровождалось едва ли не большими трудностями, чем внедрение школы. Шаманы, осуществлявшие и функции лекаря-знахаря, всячески противодействовали советским врачам. И тут косность и предубеждение были сломлены работой и разъяснениями советских медиков. С 1924—1925 гг. на Севере действовали разъездные «врачебно-обследовательские отряды Российского общества Красного Креста». Кроме оказания медицинской помощи, они вели большую санитарно-просветительную работу. Чрезвычайно восприимчивые к инфекционным заболеваниям («мягкие к смерти», по выражению чукчей), страдавшие почти поголовно бытовыми болезнями, туземцы ощутили пользу советской медицины.

Так протекала в 1925—1930 гг. культурная революция у северных народностей.

Важнейшим итогом первого пятилетия национального строительства было окончательное укрепление советского строя у малых народностей. Население осознало сущность новой власти, неизменно заботившейся о трудящихся. Малые народы поняли, что все появившееся у них новое и хорошее принесла советская власть. Отсюда родилось прочное доверие ко всему, от нее исходящему. «Советская власть сделала и дала тунгусам много добра. Это добро — наше хозяйство, его надо беречь», — говорили забайкальские тунгусы. Узнав об избрании остяка Шиянова во ВЦИК, соплеменники его заявили: «Если Шиянова выбрали в самый главный совет, то значит советская власть любит остяцкий народ, и мы будем еще крепче стоять за нее».

«Массы увидели, что советская власть и ее органы есть дело их собственных усилий, олицетворение их чаяний»³⁰.

Велика была популярность среди малых народностей Великого Эрема (могучий, сильный человек) — Ленина. Председатель родового совета коряк Тылман, который «уже два года служит Ленину», передавал на собрании его слова, что «войны между белым большим человеком и маленьким человеком (туземцем.— М. С.) больше не будет», что «тундра будет принадлежать коряку, чукче и всем маленьким народам». Малые народы хорошо знали, что «Ленин — за бедных, и запретил обижать бедного маленького человека, отбирать у него пушнину за шальную воду» (водку) ³¹.

Население Дальнего Востока, запуганное интервентами, скоро поняло ложь антисоветской агитации. На съезде гиляков, ороков и тунгусов Сахалина в 1930 г. делегаты заявляли: «японцы говорили: большев (большевик.— М. С.) придет — нас убьет, боялись — страшно было, теперь не страшно. Очень, очень советское правительство родные нам люди» ³².

Громадный авторитет завоевала в эти годы коммунистическая партия, руководившая национальным строительством.

Понятие советской власти олицетворяли в глазах населения русские люди. «Теперь мы знаем, что есть такие начальники, которым можно сказать, какая беда, — они всю беду поправят», — говорили карагасы. Постоянное общение с советскими учреждениями способствовало сближению населения с русским народом, усвоению русского языка, проникновению новой культуры. Замечательное стремление к ее восприятию проявляли карагасы, пригласившие в свой колхоз русскую семью, которая должна была научить их выпечке хлеба, уходу за скотом, разведению огородов и т. п.

Протоколы туземных собраний показывают, как быстро малые народности научились критиковать недостатки своих учреждений: «Прошлый год хоть злой секретарь, да был. Хоть работы и не видели — хотя ездили, а теперь нет никого — совсем худо стало. Надо требовать секретаря», — заявляли быстринские ламуты. «Родовому совету хорошо работать надо, защищать туземцев. Прошлый год мы жили плохо, потому что родовой совет плохой». «Маленько лечить надо, врача прислать надо, оленей лечить надо». «Посылать таких докторов надо, которые от самоедов не отрекаются». Такими заявлениями пестрят выступления туземцев ³³.

Разъяснительная работа, борьба с насильственными браками, многоженством, калымом и другими тягостными для женщины пережитками вызвали доверие туземок к советской власти. Они сделали самостоятельнее, стали участвовать в общественных делах и в советах. У енисейских тунгусов первыми добились совещательного голоса вдовы — главы семей. А в 1928 г. суглан тех самых таймурских и соседних родов, которые несколько лет назад лишили женщин права голоса, постановил: «Восстановить женщин в одних правах с мужчинами решать вопросы из тунгусской жизни и, кроме того, допустить женщин быть избираемыми в родовые советы и в родовые суды» ³⁴. В конце 1929 г. в туземных советах было шесть делегатов. Многие туземки начали обращаться в суд при семейно-имущественных и брачных недоразумениях, связанных чаще всего с калымом, левиратом, родовыми нормами

³¹ Из дневников автора.

³² Во время советско-китайского конфликта в Хабаровск попал замечательный документ за подписью 12 гольдов: «Просим Комитет Севера дать нам план, как нашим семьям лучше перебраться с китайской стороны на русскую, советскую нам сторону... В настоящее время за границей нам очень тяжело жить: нас притесняют китайские отряды, забирают последнее имущество, отобрали у нас охотничье оружие, и мы не можем охотиться. Над нашими семьями китайские солдаты издеваются».

³³ Из дневников автора.

³⁴ Н. Никольшин, Цит. соч.

наследования. Передовые туземные суды (ненецкие, тунгусские, карасские) уже в те годы исходили обычно из советского права: признавали противозаконность калыма, право вдовы на самостоятельность.

Важным событием в жизни туземок было состоявшееся в 1930 г. при ЦК ВКП(б) совещание по работе среди женщин северных народностей. Совещанием принята обширная программа мер «по раскрепощению трудящихся женщин-туземок и развертыванию массовой воспитательной работы среди них в целях широкого вовлечения тружениц Севера в социалистическое переустройство северных окраин Советского Союза». Деятельность местных организаций сильно оживилась. Побывавшие на совещании туземки стали пользоваться на родине исключительным авторитетом, так как они встречались в Москве с самыми «большими советскими головами», и сделались активными проводниками партийной политики.

II

Успехи национальной политики подготовили почву для следующего этапа — национально-территориального районирования Крайнего Севера. Новые задачи, поставленные в те годы перед страной, — завершение индустриализации и реконструкции сельского хозяйства — требовали коренного изменения старой системы управления на Крайнем Севере, перехода от условного «Временного положения» к постоянной нормальной организации власти. Постепенный переход от родовой к территориальной системе начался еще в первые годы советизации³⁵. С 1927—1928 гг. некоторые местные органы, по собственной инициативе, укрупняли родовые советы, переименовывали их в «туземные советы» и применяли «Положение о сельских советах» с изменениями в зависимости от местных условий. Происходило это под руководством ВЦИК («Центризбирком») и Комитета Севера.

1927—1932 гг. были периодом искания новых, специфических для народов Севера форм организации. К 1929 г. на Севере было, помимо родовых, уже около 100 территориальных (сельских, национальных, наслежных) советов. В 1929—1930 гг. возникли первые национальные районы (Нанайский, Ульчский, Чукотский, Эскимосский), некоторые из них (Алеутский, Тофаларский) — по инициативе самих туземцев. Тогда же появился первый национальный округ — Ненецкий³⁶.

Опыт организации национальных районов оказался удачен: повысилась активность населения, ускорилось хозяйственное и культурное развитие, появились первые колхозы. Вскоре этот опыт был распространен на всю территорию обитания северных народов. Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера»³⁷ учреждено 8 национальных округов (в составе 36 районов) и 8 национальных (тунгусских) районов, не входящих в округа.

³⁵ Напомним, что у некоторых групп советы были с самого начала организованы по территориальному признаку.

³⁶ История его образования вкратце такова. Территории расселения европейских ненцев находились в Архангельской губ. и области Коми. Развитые более других, европейские ненцы осознали себя в советских условиях единой народностью. IX съезд ненцев Архангельской губ. потребовал в январе 1929 г. у Комитета Севера и Архангельского губисполкома «объединить всех ненцев вместе, в один округ». Соседние малоземельские ненцы присоединились к этому: «Мы, ненцы Малоземельской тундры, ходатайствуем и настаиваем на решении IX Ненецкого съезда советов о создании единого Ненецкого округа, объединив тундры: Малоземельскую, Большеземельскую, Тиманскую, Канинскую... Мы, ненцы (самоеды), просим нам дать полные национальные права, как велел В. И. Ленин» (23 мая 1929 г.). Летом того же года желание это осуществилось.

³⁷ Собр. узак., 1931 г., № 8, ст. 98.

Организация новых национально-административных единиц была закончена в 1931 г. Изданное в следующем году «Положение об окружных съездах советов и окружных исполнительных комитетах северных окраин РСФСР»³⁸ определило порядок образования, структуру и компетенцию новых органов управления. Одновременно решен вопрос о низовой сети советов³⁹. В национальных округах образованы сельские (с большинством оседлого населения) и кочевые (с большинством кочевого и полукочевого населения) советы. Сельские советы действовали на основе общего о них «Положения», кочевые — на основании особого, утверждаемого ВЦИК.

Права советов и районных исполнительных комитетов значительно расширены; они стали теперь органами не только самоуправления, но и власти. Подчинялись они уже не родовым собраниям, а вышестоящим организациям. Вслед за этим организованы органы юстиции — окружные и народные, сельские и кочевые общественные суды⁴⁰. Все это завершало построение у северных народностей единой нормальной советской системы управления и суда, исходившей из особого состояния малых народов.

«Положения» о низовых советах и окружных органах прямо ссылались на «особые условия работы органов советской власти в национальных округах на Крайнем Севере РСФСР»⁴¹. Эти особые условия сказались более всего в законах, относящихся к кочевому населению, к его советам и судам⁴². В перечне «предметов ведения кочевых советов» особо упоминались: защита интересов батраков и «охрана от бытовой эксплуатации» (ст. 17 и 19). Предусматривались специальные формы связи совета «с отдельными кочевыми группами, кочующими не по линии передвижения кочевого совета», через особых уполномоченных (ст. 38). Каждый совет должен был «иметь два временных местопребывания, на летних и зимних стоянках основной массы населения, а остальное время передвигаться с основной массой кочевого населения» (ст. 42). Работу советы вели на родном языке населения (ст. 41). Аналогичную специфику находим и в «Положении» о кочевых судах: «Время суда устанавливается с учетом всех местных условий, причем всячески должны быть использованы общие собрания граждан, ярмарки, массовый приезд на фактории и т. п.» (ст. 12). К проступкам, подведомственным кочевым судам отнесено, между прочим, «удаление роженицы из дома в опасное для жизни и здоровья матери и ребенка место» (ст. 9).

«Положение» об окружных органах также проникнуто особой заботой о северных народностях. Большие отличия от общих норм в таких вопросах, как советско-административное устройство, планирование, финансы, предоставляли национальным округам широкую самостоятельность и инициативу, обеспечивали их развитие, оберегали от шаблонного отношения к ним вышестоящих органов, увеличивали их ответственность и значение в общей системе Советского государства. В своей совокупности черты эти, свойственные положениям об автономных областях, придавали объединениям малых народностей характер первичной формы национально-территориальной автономии.

Эта первичная «племенная» автономия, предоставленная этнографическим группам Севера, наглядно иллюстрировала указание

³⁸ Собр. узак., 1932 г., № 39, ст. 176.

³⁹ Там же, ст. 196.

⁴⁰ Там же, 1933 г., № 21, ст. 170.

⁴¹ Там же, 1932 г., № 39, ст. 196.

⁴² «Положение о кочевых советах в национальных округах и районах Северных окраин РСФСР», Собр. узак., 1933 г., № 49, ст. 209 и «Положение о кочевых общественных судах в национальных округах и районах Северных окраин РСФСР», Собр. узак., 1933 г., № 54, ст. 241.

И. В. Сталина, данное им в 1920 г.: «Эта эластичность советской автономии составляет одно из первых ее достоинств, ибо она (эластичность) позволяет охватить все разнообразие окраин России, стоящих на самых различных ступенях культурного и экономического развития»⁴³.

Национально-территориальное районирование Крайнего Севера означало новый этап развития советской власти на громадной территории, создание на самых отдаленных окраинах опорных пунктов Советского государства, осуществляющих социалистическое переустройство. Районирование открыло новую страницу в истории национального строительства у малых народов. Оно оказало громадное влияние на политическое, хозяйственное и общекультурное развитие бывших «иногородцев» царской России. Образование самостоятельных районов, объединявших распыленные ранее родовые советы, а для многочисленных народностей (ненцев, остяков и вогулов, эвенков, чукчей, коряков) — округов, охватывавших разрозненные туземные районы, уничтожало административную черезполосицу, препятствовавшую объединению отдельных народностей. Завершение этапа собирания разобщенных родовых и племенных групп способствовало развитию у них национального самосознания, их сплочению и организации. Эти процессы формирования новых исторических народностей начались у таких, более крупных этнографических групп, как ненцы, остяки и вогулы, тунгусы и ламуты, гольды, чукчи и коряки.

Сыграло известную роль в этом отношении и разрешение в 1929—1930 гг. вопроса о самоназваниях народов. Старые названия внесли не мало неясности и ошибок⁴⁴. Иногда они объединяли одним термином совершенно различные, порой даже не родственные этнографические группы: остяков с кетами и остяко-самоедами, собственно тунгусов с ламутами, ненцев (юраков) с энцами и нганасанами, карагас с чулымскими татарами и т. д. В других случаях они, наоборот, искусственно разделяли единые этнические образования на разные, будто бы, части; примером служат: гольды с самагирами, коряки с кэрэками, ненцы с юраками, собственно тунгусы с орочен/л/ами и др. Замена старых, считавшихся иногда оскорбительными (правда, без достаточных оснований) названий новыми самоназваниями⁴⁵ была свидетельством политического такта и внимания к малым народностям.

Осознание этнического единства нашло материальное выражение в начавшемся, вслед за образованием новых административных единиц, процессе стягивания разрозненных племенных групп в свои национальные районы. Остяко-самоеды южных и западных частей Нарыма (рек Кети, Оби, Чаи, Парабели, Васюгана), так называемые суссе-кум, стали переселяться во вновь образованный Тымский национальный район, населенный другой группой остяко-самоедов — чумыл-куп. Аналогичные переселения наблюдались у камчатских ламутов, колымских юкагиров, на Амуре — среди гольдов и ульчей.

Национальное районирование имело и другое последствие. Оно ликвидировало унаследованную от прошлого разобщенность малых народностей от остального населения Крайнего Севера, объединило туземцев со всеми другими жителями в общем деле социалистического строительства, усилило культурное влияние передовой русской народности. С организацией национальных объединений увеличилась помощь советского государства малым народностям. Высшие правитель-

⁴³ Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 60.

⁴⁴ Иллюстрацией этому служат приведенные выше (стр. 122) первоначальные списки северных народностей и разработки триполярной переписи 1926—1927 гг.

⁴⁵ Однако не все новые термины удачны; некоторые из них искусственно надуманы и не прижились населению (долганы, луораветланы и др.). На очереди поэтому вопрос об их пересмотре.

ственные органы РСФСР и СССР уделяли неизменное внимание и громадные материальные средства национальным округам и районам⁴⁶.

Еще более вырос авторитет советской власти, партии и «главного, вместо Ленина, большевика Сталина, работающего так, как говорил Ленин»⁴⁷.

Наиболее важным событием в области просвещения было в этом периоде создание письменности на языках малых народностей. Ему предшествовала большая работа по изучению этих языков, выполненная главным образом Научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера. В 1932 г. Президиумом ВЦИК образован специальный Комитет нового алфавита народов Севера с сетью филиалов в национальных округах и районах. Началось издание литературы на языках малых народностей. На Крайнем Севере появились полиграфические базы, располагающие комплектами шрифтов на местных языках. В окружных и районных центрах стали выходить газеты, доступные местному населению.

Создание письменности явилось мощным фактором дальнейшего культурного развития малых народностей. К 1934 г. было уже более 300 туземных школ с 11 тысячами учащихся (свыше 60% всех детей школьного возраста), а в некоторых национальных районах (Алеутском, Навайском, Тофоларском) школой были охвачены 100% детей. К началу того же 1934 г. общая грамотность малых народов поднялась до 30%, появились районы сплошной грамотности (три упомянутые выше, Ульчский, Катангский и др.).

Усилилась в эти годы подготовка национальных кадров. Общее количество учащихся в семи основных техникумах и институтах народов Севера достигло 900. В ленинградском Институте народов Севера было 400 студентов. С 1931 по 1937 г. институт выпустил 206 туземцев-специалистов. Многие из них стали впоследствии государственными деятелями. Из его стен вышли первые ученые — алеут Хабарсов, ненец Пытерка и другие.

✓ Сталинская Конституция открыла новую главу в советской истории малых народностей. Она завершила разрешение важнейшей задачи, состоявшей в том, чтобы «приблизить советы к массам, сделать их национальными по составу и насадить, таким образом, национально-советскую государственность, близкую и понятную трудящимся массам»⁴⁸. Отсталые северные племена полностью приобщены к государственной жизни страны. Через Совет национальностей они участвуют, наравне с другими, в законодательной деятельности, в образовании Президиума Верховного Совета, правительства и Верховного суда. Эпоха Сталинской Конституции ознаменовалась новым подъемом малых народов, вовлечением в социалистическое строительство широких туземных масс, дальнейшим ростом хозяйства и культуры национальных районов.

Неизменное внимание к малочисленным и отсталым народностям нашло яркое отражение в избирательном законе, предусматривающем представительство в Совете национальностей каждого национального округа, независимо от численности его населения. Распыленность насе-

⁴⁶ См., например, Постановления Президиума ВЦИК и СНК РСФСР «по докладу Комитета Севера» от 30 сентября 1931 г. (Собр. узак., 1931 г., № 60, ст. 437), «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера» от 8 сентября 1931 г. за № 957, Президиума Совета национальностей ЦИК СССР «Об обслуживании малых народностей севера» от 2 июня 1932 г. и др.

⁴⁷ Из резолюции III съезда советов пенжинских коряков, самых отсталых в прошлом из всех многочисленных групп этой народности (журнал «Советский Север», 1932 г., № 3).

⁴⁸ И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 156.

ления на громадных пространствах вызвала специальное постановление ЦИК СССР «об избирательных участках в северных и кочевых районах и мелких поселениях» от 3 октября 1937 г. Сложная в северных условиях подготовка к выборам пользуется большим вниманием правительства.

Выборы 1937 г. показали высокую активность, организованность и культурный рост местного населения. С тех пор дни выборов и открытия новых сессий Верховного Совета стали у народов Севера популярными праздниками. Они знаменуются перевыполнением производственных планов, принятием новых социалистических обязательств. В эти дни происходят любимые местным населением состязания в стрельбе и беге, устраиваются собачьи и оленьи бега. Чукчи, коряки, эскимосы и ламуты Камчатской области заявили в своем приветствии первой сессии Верховного Совета в январе 1938 г.: «Впервые в истории в верховном органе власти будут решать государственные вопросы бывшие пастухи северной тундры чукча Тывлянто и коряк Обухов».

Громадные изменения во всей жизни малых народов (в экономике, быту, общей культуре) явились предпосылкой для коренной социально-технической реконструкции их хозяйства.

Коллективизация на Крайнем Севере происходила с учетом особенностей хозяйства, быта, общекультурного состояния малых народов. Господствующей формой колхоза в начальном периоде (1928—1932 гг.) было простейшее производственное объединение (ППО), равнозначное по социальному содержанию ТОЗ (товариществу по совместной обработке земли) в крестьянском хозяйстве. Основую ППО являлось объединение промысловых угодий и коллективное их использование, без обобществления средств производства. В оленеводческом хозяйстве ППО создавались для совместного выпаса оленей. Временный характер объединения, отсутствие обобществленного имущества, распространение коллективного труда лишь на одну отрасль, а не на все хозяйство — таковы отличительные черты первых ППО.

ППО стали крепнуть, охватывать все отрасли труда. Появились так называемые смешанные ППО. Возникли новые источники дохода — второстепенные промыслы (дичный, ягодный, ореховый и др.) и заработки (извоз, лесозаготовки). Бригадная организация труда и применение новых, более совершенных, не доступных ранее средств производства (неводов, пловучих средств, капканов и пр.) повысили производительность труда. Увеличивалось, благодаря лучшему выпасу, олень поголовье. Возросли доходность и товарность. Создавались, в результате обобществления части доходов, неделимые фонды.

Население встретило первые ППО с большим интересом. Не вошедшая в колхозы масса внимательно следила за ними. Многие приезжали издалека и, пользуясь обычным гостеприимством, жили подолгу в колхозах, присматривались к их работе, выжидали ее результатов.

1932—1933 гг. были в северном колхозном строительстве годами перелома, аналогичными «великому перелому» 1929 г. в центральных районах. К этому времени относятся важнейшие директивы ЦК ВКП(б) (от 22 и 26 июня и 1 сентября 1932 г.) о коллективизации малых народностей и появление «примерных уставов» (интегрального кооперативного товарищества, простейшего производственного северного смешанного товарищества и других отраслевых), окончательно определивших социально-экономическую и юридическую природу туземных колхозов.

Дальнейшее строительство колхозов развивается в двух основных формах — товарищества и артели. Артели создаются в более освоенных, хозяйственно и политически окрепших районах, обычно южных (таежных) и приморских, в большинстве у оседлого промыслового населения. В северных (тундровых и внутренних) районах, в соответствии

с общим более низким уровнем развития, преимущественно у кочевых оленеводов, основной формой остаются ППО. Но по мере своего хозяйственного укрепления и развития района они переходят на устав артели.

Колхозный строй складывался в обстановке ожесточенного сопротивления кулачества, принявшего особенно острые формы у тундровых оленеводов. Одним из сильнейших средств в борьбе с кулачеством была попрежнему экономическая, особенно торговая, политика. Сосредоточение товарооборота в социалистическом секторе изменило социальное содержание товарных связей туземного хозяйства и освободило его от эксплуатации.

Видное место в наступлении на эксплуататоров заняли кочевые общественные суды и кочевые советы, которые в лице туземцев-активистов ревностно защищали интересы трудящихся. Практика ненецких, остяцких, тунгусских, корякских судов показывает, что они расторгали кабальные сделки кулаков с беднотой, часто вскрывали бытовую эксплуатацию и т. д. Широко практиковалось лишение нетрудовых элементов избирательных прав и изгнание их из советов.

К 1939—1940 гг. коллективизировано, в среднем, около 75% хозяйств малых народностей (от 98% в Эвенкийском национальном округе до 42,1% в Чукотском). Социалистический уклад стал, таким образом, господствующим на Крайнем Севере.

III

Попытаемся наметить в общих чертах результаты социалистического строительства у малых народов. Остановимся, в первую очередь, на ликвидации хозяйственной отсталости.

Значительно изменилась техника основных промыслов: увеличилось количество и повысилось качество старых орудий, появились новые типы вооружения. Преобладавшие ранее устарелые ружья (шомпольные, кремневые, пистонные) сменяются усовершенствованными патронными, центрального боя и специально созданными для малых народов новыми типами ружей. Реконструировано основное орудие песцового промысла — архаическая «пасть», приносившая громадный ущерб охотникам. Современная «корытная пасть» защищает добычу от хищников. Широко распространились новые приборы — ящичные ловушки и железные капканы. Особенно улучшилась техника рыбного лова. Широко распространены эффективные сетеснасти (в том числе крупные неводы), почти не встречавшиеся в прошлом у малых народов. Механизирована неводная тяга, промыслы обслуживаются моторными судами. Морской промысел на Чукотке обеспечен китобойными «пушками», гарпунными и нарезными ружьями, рульмоторами и вельботами. Характерным переходным типом является тут архаическая байдара, приспособленная под рульмотор.

Главную роль в основных отраслях (рыболовство, сухопутной и морской охоте) играют уже не туземные, а привозные, более совершенные, иногда весьма крупные средства производства. Большинство их принадлежит к так называемым активным орудиям, рассчитанным на активные действия промышленника, а не на пассивное ожидание добычи. Применяются мускульная сила лошади, различные механизмы (вороты, лебедки), тракторы. Почти исчезли архаические орудия: лук, копье, спица, марики и другие, широко бытовавшие в недавнем прошлом. Отмирают самобытные, экономически нецелесообразные и вредоносные приборы (давящие и ущемляющие ловушки, запоры) и способы добычи (поколки). Хотя повсюду еще используются старые средства производства, но решающее значение в промыслах принадлежит

уже новым, приносящим преобладающую часть продукции. Особенно это относится к рыболовству.

То же нужно сказать и о водотранспортном инвентаре, обогатившемся «настоящими» пловучими средствами, снабженными килем, рулевым управлением, парусами, парной греблей (русские лодки, баркасы, вельботы, плоскодонные баржи и кунгасы), и механизированным транспортом (катеры, моторные лодки, кавасаки и проч.). Вместе с тем сохранились и старые средства передвижения — долбленные обласы, ветки и баты, берестяные оморочки, карбасы, байдары и пр. Основным средством сухопутного сообщения остались незаменимые в условиях Крайнего Севера олени и собаки. Наряду с этим успешно развивается конный и даже автомобильный транспорт (у гольдов, ульчей, охотских ламутов). Для некоторых народностей характерно одновременное развитие нескольких видов транспорта: оленного, собачьего и конного (коряки и охотские ламуты), оленного и конного (карагасы и колымские юкагиры), собачьего и конного (камчадалы).

Изменилась и такая отсталая отрасль, как оленеводство. Улучшилась кормовая база благодаря внедрению правильного пастбищеоборота. Рационализированы условия выпаса. Отмирает первобытный, так называемый вольный выпас, являющийся временным отказом от приручения животных и сопровождающийся громадной их потерей. Практиковавшие его туруханские остяко-самоеды, енисейские тунгусы и другие таежные оленеводы перешли к выпасу с дымокурами в огороженных участках тайги. Восточно-сибирское, наиболее примитивное оленеводство обзаводится, правда медленно, оленегонными собаками. Ненцы европейские и ямальские, тунгусы, коряки применяют коррали, известные в прошлом одним только лопарям. Оленеводство получило невиданную ранее ветеринарно-зоотехническую помощь. Много новшеств появилось в транспортном оленеводстве. Сконструировано новое верховое и вьючное седло, практикуются седлание на спину, парные дышловые запряжки; стало развиваться и доение оленей (у селькупов).

Далее нужно констатировать сильное развитие исконных и новых источников существования. Рост основных промыслов (сухопутной и морской охоты и рыболовства) вызван привлечением новых объектов, ранее не эксплуатировавшихся, и расширением добычи во времени и пространстве (удлинением охотничьего сезона, переходом к круглогодичному рыболовству, освоением новых угодий).

Значительно изменился хозяйственный комплекс. Усилился рыбный промысел у тех, у кого он ранее был случайным (нарымские тунгусы, карагасы, чукчи). У других он стал из второстепенного основой хозяйства (карские и ямальские ненцы, кеты, долганы). Приобрела значение малоразвитая в прошлом пушная охота у некоторых кочевых и оседлых (чукчи, чуванцы, эскимосы). Появилось пушное звероводство. Возобновился регулярный промысел кита на Чукотке. Увеличилась распристращенность оленеводства среди оседлых, в том числе и не занимавшихся им раньше (чукчи, коряки, гиляки, орочи, алеуты).

Сильно развились второстепенные добывающие промыслы (ягодный, ореховый, отсутствовавший раньше сбор грибов и лечебно-технического сырья) и разные кустарные занятия: пошивка обуви, одежды, ковриков и пр. (почти повсеместно), производство лодок, сетеснастей, веревок из тальника (на Оби, Енисее и в других местах), костерезного (особенно у чукчей и эскимосов), слесарного (у коряков), художественных вышивок (у тунгусов, народов Амура, коряков и пр.). Возникли кустарно-ремесленные артели городского типа. Гольдская артель «Нанайский труженик» (сел. Найхин, Нанайского района) организовала столярное, гончарное производство, фотографию, парикмахерскую и женскую мастерскую по выделке рыбных и звериных шкур, пошивке унтов, меховых чулок и перчаток с художественными вышивками.

Появились другие постоянные заработки непромыслового характера — от лесозаготовок и сплава (остяки, вогулы, остяко-самоеды, гольды, ульчи, гиляки) и особенно от грузоперевозок. Эскимосам, например, заработки давали в 1938—1939 г. около четверти всего их дохода.

Самое замечательное — почти повсеместное развитие сельского хозяйства. У большинства народов (и отдельных групп) отрасль эта возникла только после революции. Впервые узнали его: ненцы (ямальские), остяко-самоеды (тымские, туруханские), кеты (суломайские), тунгусы, (енисейские, катангские, северобайкальские, якутские), ламуты (охотские, быстринские, марковские), орочи, удэ (не тазы), юкагиры (колымские, коркодонские), чукчи (марковские), карагасы. У остальных оно было в зачаточной форме и ничтожных размеров. Теперь изменились технический уровень и экономическое значение сельского хозяйства; оно ведется культурными методами, механизировано, приобрело крупные размеры, дает значительный доход, в том числе и товарный. У некоторых групп (остяков, вогулов, тунгусов, гольдов, ульчей, гиляков) оно стало главной отраслью, и колхозы приобрели здесь форму сельскохозяйственных артелей.

Наиболее успешно развивается сельское хозяйство у гольдов и ульчей. Главным домашним животным служит здесь лошадь, вызвавшая полный переворот в экономике; вытесняется ездовая собака, развиваются сенокосение и возделывание кормовых культур, земледелие, извоз, лесозаготовки. В гольдских и ульчских колхозах появились даже плодоводство и пчеловодство.

Развитие новых, отчасти и старых отраслей (земледелия, скотоводства, рыболовства, ремесел, заработков) связано обычно с переходом кочевников к оседлости. Но производственная деятельность расширилась даже в наиболее замкнутых в прошлом натуральных типах хозяйства — оленеводческом тундровом и морском зверобойном.

Хозяйственный комплекс претерпел, как это видно, не только количественные, но и глубокие качественные перемены. Он не исчерпывается уже только добывающими промыслами, т. е. присвоением готовых продуктов природы. Наряду с ними, появились другие отрасли, создающие новые продукты, приносящие регулярный доход. Разнообразная производственная деятельность ликвидировала былую неустойчивость чисто присваивающего хозяйства, которая была результатом сильнейшей зависимости человека от стихий природы.

Мощный подъем хозяйства малых народов обусловлен громадными изменениями не только в средствах производства, но и в организации труда. Коллективизация сделала возможной правильную расстановку сил в комплексном хозяйстве в форме постоянных специализированных бригад. Новая техника и организация труда уменьшили громадную в прошлом трудоемкость производственных процессов. Крупные эффективные орудия лова и механизированные пловучие средства понизили затраты труда в рыбном и зверобойном промысле (на сооружение громоздких запоров и заездов, долбленных лодок и т. д.). Наряду с этим, повсюду от Оби до Чукотки наблюдается массовое привлечение женщин к производству. Они участвуют в охоте и рыболовстве, в выпасе стад, в разделке продукции, работают в сельском хозяйстве, обслуживают грузоперевозки. Во многих колхозах (остяцких и вогульских, тунгусских в Тунгурском районе, ламутских на Охотском побережье и др.) вовлечено в производство около 100% трудоспособных женщин.

Сильно повысилась общая культура труда. Требуемая четкости работа новыми средствами производства, в частности механизированными, приобщила население к сложным трудовым процессам. Совместная с русскими рабочими и крестьянами деятельность на рыбных промыслах, лесозаготовках, в смешанных колхозах привила производственные

навыки и оказала большое организующее и дисциплинирующее влияние. У промыслового населения появилось сознание ценности времени и необходимости его разумного использования и распределения.

Социалистическое соревнование возникло внутри бригад, затем распространилось на целые бригады, колхозы, сельские и кочевые советы, районы. Большую популярность завоевали ударничество и соревнование в пушном промысле. Прежде охотники добывали пушнину в уплату ясака или для торговца-ростовщика, а сами оставались нищими. Теперь она идет советскому государству, заботящемуся о них. Лучшие охотники, в совершенстве знающие свое дело (промысловые угодья, повадки зверей и пр.), стали выдающимися стахановцами и ударниками и пользуются общим уважением.

Техническое перевооружение, новое распределение рабочей силы и отношение к труду вызвали подъем производительности труда. Исчезла былая нищета. Колхозное хозяйство окрепло, доходность его увеличилась, зажиточность колхозников стала обычным явлением. Ограничимся несколькими иллюстрациями, относящимися к различным типам хозяйства. Валовой доход колхозов Ямальского национального округа, типичного тундрового оленеводческого района, увеличился с 371 тыс. руб. в 1932 г. до 10 284 тыс. руб. в 1939 г. Средний заработок «колхозного двора» поднялся с 1817 руб. в 1933 г. до 2365 руб. в 1939 г.; доходы отдельных колхозников достигают 10 тыс. руб. В соседнем Ханты-Мансийском национальном округе, не менее типичном рыбпромысловом районе, валовой доход колхозов возрос с 6599 тыс. руб. в 1935 г. до 24 548 тыс. руб. в 1939 г., а одного «двора» — соответственно с 1089 р. до 2089 р. Такой же подъем благосостояния наблюдается и в других типах хозяйства. У таежных охотников-оленьеводов Эвенкийского национального округа средний заработок колхозника повысился к 1938 г. до шести с лишним тысяч рублей. Доход эскимосской зверобойной артели «Ударник» (сел. Сиреники) поднялся за вторую пятилетку с 27,3 тыс. руб. до 109,7 тыс. руб., колхоза «К новой жизни» (сел. Чалино) с 21,1 до 104,0 тыс. руб.

Замкнутое в прошлом туземное хозяйство связано теперь неразрывными узами с общесоветским народным хозяйством и его товарооборотом. Сильно возросла товарность рыболовства, которое было раньше, за редкими исключениями (у народов Оби, Амура, отчасти Енисея), чисто потребительским. Продукция его стала товарной у остяко-самоедов (кетских, тымских, туруханских), кетов, долган, тунгусов и ламутов (охотских, быстринских), орочей, коряков (оседлых), юкагиров, алеутов, даже у чукчей (оседлых), у которых оно почти отсутствовало.

До Октябрьской революции исключительно низкой товарностью отличались оленеводство (за исключением европейских ненцев) и морская охота (за тем же исключением). Ныне они дают почти повсюду товарную продукцию. Сдаются на фабрики разнообразные продукты зверобойного промысла охотскими ламутами, пенжинскими коряками, камчадалами (ительменами), прибрежными чукчами и эскимосами. Вовлечены в товарооборот чисто натуральные в прошлом охота на парнокопытных и боровую дичь и сбор дикорастущих. Быстро стала товарной новая отрасль — сельское хозяйство (у народов Амура, Сахалина, Оби). Дают продукцию рынку и ремесленно-кустарные занятия.

Одновременно возросло приобретение населением привозных товаров.

По мере усиления товарных связей началось отмирание натурального обмена и развитие денежного обращения в среде местного населения.

Социально-экономические сдвиги обусловили переход кочевников на оседлость. Уже в период простейшего кооперирования наблюдалось ослабление кочевой формы, уменьшение так называемого бытового кочевания. Отвод при землеустройстве удобно расположенных угодий,

усиление совместного выпаса мелких стад, обслуживание передвигающихся охотников и пастухов на производстве — уменьшили и размеры кочевков и контингент их участников. Не участвующая непосредственно в выпасе или в охоте часть семьи отставалась часто на летних рыбалках или на зимовках вблизи факторий. Это происходило у многих групп европейских ненцев, у забайкальских и амгуньских (чекундинских) тунгусов и др.

Важнейшей задачей оседания было преобразование хозяйственной базы населения путем интегрирования новых оседлых и прежних кочевых занятий. Это выразилось в развитии отраслей, связанных с оседлостью (рыболовного, зверобойного промысла, сельского хозяйства), при одновременном сохранении старых, вызывавших кочевание (оленоводство, охота). Решающая роль принадлежала здесь землеустройству, такой организации территории, которая сочетала все необходимые для комплексного производства угодья (охотничьи и оленно-пастбищные, с одной стороны, рыболовные, зверобойные, сельскохозяйственные — с другой). По мере укрепления колхозов сами туземцы приходили к необходимости оседания⁴⁹.

В предвоенные годы оседание приняло, благодаря увеличившейся помощи государства, массовый и планомерный характер. На Оби и на Енисее, в Якутии и на Дальнем Востоке сооружались новые селения для переходящих на оседлость колхозов. Но ошибочно было бы полагать, что оседание протекало легко и безболезненно. Даже при благоприятной хозяйственной обстановке долго еще сказывалась вековая психология кочевника. Непривычным было для него не только постоянное пребывание в одном месте, но и самое проживание в жилом доме вместо чума.

Полностью и первыми на всем Крайнем Севере перешли на оседлость карагасы, далее европейские вогулы (ивдельские и гаринские), часть остяков (ваховских, казымских), значительные группы европейских (канино-тиманских, мало- и большеземельских, карских) и сибирских (ямальских и енисейских) ненцев, часть туруханских остяко-самоедов, кеты суломайские и сургутихинские, многочисленные группы тунгусов (аяно-майские, восточно-сахалинские, тугуро-чумиканские, катангские и др.), часть долган, большинство охотских и камчатских ламутов (полностью северо-эвенские и быстринские), все удэ и ороки, часть чукчей, значительные группы коряков (тигильские, авековские, карагинские, алюторские), все верхнеколымские юкагиры.

Социальное содержание процессов оседания в дореволюционное время и в советскую эпоху совершенно различно. В обстановке колониальной эксплуатации переход на оседлость был обычно следствием разорения, потери оленей. В условиях социализма это — не стихийное, а планомерно-организованное, глубоко прогрессивное явление, часть общего реконструктивного процесса. Оно связано с более интенсивным и широким использованием природных ресурсов, с переходом к высшему уровню развития производительных сил, с общим подъемом хозяйства и культуры.

Большие перемены произошли не только в хозяйстве, но и во всей жизненной обстановке малых народов (в жилище, пище, одежде, домашнем обиходе).

Изменились самые формы расселения, характерные распыленностью

⁴⁹ Автору припоминается по этому поводу беседа его с ненцами старейшего колхоза «Плюк», только еще помышлявшими о переходе на оседлость. На вопрос «не надо ли строить дом», они ответили: «Это на уме живет, давно живет. Почему худо, хорошо бы дом строить там, где постоянно промышляем рыбу... думаем строить на Сядуй Нос (мыс.— М. С), тут хорошо: катер подходит, кругом близко (т. е. в центре колхозной территории.— М. С.) Но дом надо большой, и не один. Будет наверно в колхозе человек двести. А кредит просить стыдно, и так много нам помогли советы»,

народов Севера на громадных пространствах и ничтожными размерами населенных пунктов. В непосредственной связи с коллективизацией развивается новое размещение населения, отчасти ликвидирующее его разобщенность.

В середине 30-х годов началось, по инициативе колхозников, «стягивание» мелких поселков, укрупнение старых и образование новых селений. В результате этого движения оседлого населения и оседания кочевников появились сотни новых, крупных (по северным масштабам) населенных пунктов. В Ханты-Мансийском национальном округе образовалось 51 крупное селение с 1048 остяцкими и вогульскими хозяйствами. То же произошло у остяко-самоедов кетских, тымских, туруханских (крупные центры — Максимояровское, Красноселькупск, Фатово, Верхняя Баиха), кетов суломайских (Черный остров), тунгусов Эвенкийского национального округа, Забайкалья и Дальнего Востока.

Наиболее интенсивно протекали эти процессы у туземцев Амура. Родилось это движение в Нижне-Халдинском сельском совете, Комсомольского района. В новое место, на берегу Амура, стянулись десятки карликовых гольдских селений, разбросанных на сотни километров в глухой тайге. Почин был подхвачен в других районах. В результате стали переселяться в низовья своих рек гольды-киле, удэ и тунгусы Кура и Урми, гольды-самагиры Горина, ульчи, негидальцы, орочи. У охотских ламутов увеличались, благодаря приселению, старые населенные пункты (Армань, Бараборка, Гальянжа) и появились новые (Гарманда, Оротук, Тахтаяма, Эсчан и др.). Аналогичное стягивание произошло у коряков (Гижиги и обоих побережий Камчатки), чукчей (особенно чаунских) и эскимосов, у которых возникли новые поселки в заливе Креста; значительно увеличилось селение Сиреники.

Уничтожение вековой разбросанности и изолированности населения явилось важнейшей предпосылкой организационно-хозяйственного укрепления колхозов, вызвало дальнейший общекультурный подъем. Новые селения объединяют не только разнородовые, но и разноплеменные группы. Это свидетельствует о ликвидации былой племенной разобщенности, сопровождавшейся иногда недоверием и враждой, о возникшей дружбе между соседствующими народностями.

Переустройство домашнего уклада малых народов должно приобщить население к новой культуре, не отрывая его от привычной природной производственной обстановки, не лишая его высокой, выработанной веками, приспособленности к ней. Недопустима поэтому резкая ломка старого, необходим постепенный безболезненный переход к новому быту, соответствующему местным условиям.

Проникновение новой культуры происходит разными путями. Велика в этом отношении роль русского населения, живущего и работающего бок о бок с местным. Значительно влияние школьников и собственной интеллигенции, узнавшей иную жизнь в городах, а также военных, приносивших из Красной Армии новые привычки и запросы. Большое значение имеют массовая просветительная работа и хозяйственно-культурный подъем, сопровождающийся появлением новых потребностей.

Переход к новому материальному быту малых народов происходит в форме непосредственного восприятия высшей, общесоветской, в основном русской культуры. Что касается старой («племенной») культуры, то, как правило, сохраняются те ее элементы, которые обусловлены неизменившейся спецификой природной среды обитания и производства. Но и тут нужно сделать существенную оговорку. Многие из таких старых элементов видоизменяются, «окультуриваются» и являются часто переходной формой от старого к новому. С другой стороны, новые элементы вытесняют старые даже в этих специфических областях в тех случаях, когда они рациональнее старых.

Я не ставлю своей задачей описание того нового, что является принесенным извне (к примеру, русская рубленая изба, платье и обувь фабричного производства и проч.). Ограничусь поэтому лишь иллюстрацией упомянутых процессов проникновения новых элементов, общих тенденций и переходных форм.

Завершившийся массовый переход к обычной русской (рубленой) избе в разных ее вариантах наблюдается обычно в результате возникновения новых селений в пунктах стягивания оседлого или оседания кочевого населения. В значительных размерах этот переход произошел у остяков и вогулов, у гольдов (особенно в районе Комсомольска), ульчей, удэ, из кочевых — у селькупов (туруханских), кетов, карагасов, чукчей (чаунских) и др. Характерно, что некоторые туземцы (остяки, карагасы, удэ) строят новые дома собственными силами.

У некоторых наблюдаются частичные улучшения старого жилища. В старой бревенчатой юрте остяков, вогулов и остяко-самоедов (нарымских) чувал сменился русской печью, появились деревянный настил на земляном полу и досчатый потолок.

На Амуре, наряду с новыми жилищами и сохранившимися старыми (полуземлянкой с надземным срубом и летним четырехугольным берестяным «огдан» у негидальцев, двускатным коническим и сферическим шалашом и четырехстенным корьевым «дауро» у гольдов и др.), встречается (у гольдов) причудливое сочетание старого и нового жилища: пристройка новой избы к старому жилью при одной общей входной двери. На новой половине живет молодое поколение, на старой доживают век старики. Бытующие еще у гольдов старые большие зимники, типичные для периода патриархальной общины, претерпели характерные изменения, отразившие распад большой семьи: они разделены внутренними перегородками на отдельные помещения для индивидуальных семей. У осевших ламутов и юкагиров появилась палатка с досчатым полом, окнами и железной печью.

Любопытные переходные формы наблюдаются у оседлых чукчей и эскимосов. Спальное меховое отделение яранги («полог») обтянуто материей, в нем устроены окна и вытяжное отверстие с трубой для вентиляции. Эскимосы залива Креста соорудили «надземные землянки» собственной конструкции: тонкие деревянные каркасы, целиком покрытые дерном.

У перешедших на оседлость кочевников остались в качестве производственного жилья (на охоте и на выпасе) старые разборные чумы. Наряду с ними, широко распространены палатки (брезентовые, бязевые, полотняные, реже суконные), более портативные, легче и быстрее устанавливаемые и разбираемые. Зимние палатки снабжены обычно железной печью с трубой и часто досчатым полом.

Сохранявшие кочевой быт ненцы пользуются зимой нартяным чумом, с окнами, крашеным деревянным полом и железной печью, летние чумы покрыты брезентом (вместо бересты). У долган почти исчез шестовый чум, встречающийся теперь только летом. Значительно улучшились у них нартяные чумы: стали больше по размерам, обиты пестрым ситцем, снабжены полом.

Переходным типом от чума к рубленой избе являются у некоторых оседающих групп (тунгусов, ламутов) деревянные балаганы.

Что касается хозяйственных построек, то, наряду с новыми, связанными главным образом с развитием сельского хозяйства (конюшни, скотные дворы, овощехранилища), зачастую сохранились старые амбарышки, шайбы и прочие сооружения на столбах, весьма удобные в северных условиях и столь же распространенные среди русских старожилов.

Повсюду распространены русские и особенно железные печи. На Амуре русская печь вытеснила старую глинобитную с китайским кот-

лом. Вместе с новым жилищем изменяется внутренняя обстановка: появились кровати, столы, табуреты, утварь и т. д. Для освещения служат керосиновые лампы, свечи и особенно привившиеся фонари («летучая мышь»). Керосиновое освещение совершенно заменило на Амуре жировые светильники из песчаника, глинистого сланца или древесного наплыва, а на Чукотке начинает вытеснять жирники. Утратило у многих свое старое значение «священное место» против входа; здесь висят теперь полочки с посудой, будильниками, книгами, фотографиями.

Многие населенные пункты совершенно изменили свой облик. Селения распланированы, проложены улицы, правильными рядами стоят новые дома. В крупных колхозных центрах много общественных зданий — школы, больницы, клубы, пекарни, магазины, и они похожи на культурные русские села. Таковы, например, образцовые селения гольдов (Троицкое — на Амуре, Найхин), удэ (Гвасюги, Бира), ульчей (Булава). Некоторые села — в Ханты-Мансийском и Ямальском национальных округах, на Амуре и Сахалине, на Охотском побережье и Чукотке — электрифицированы.

Основу весьма однообразного в прошлом питания составляли мясо, рыба и у некоторых групп (морских охотников, отчасти оленеводов) — животный жир. Потребность в растительной пище удовлетворялась только дикорастущими (кореньями, травами, ягодами, орехами). И набор, и количество привозных продуктов («чужой пищи», по выражению чукчей) были ограничены и сводились в массе к спиртным напиткам и чаю. Мука и мучные изделия, соль, сахар потреблялись немногими и в ничтожных размерах. Готовилась пища весьма примитивно. Широко распространено было сыроедение. Настоящего жарения не знали, а пекли (и то в редких случаях) на огне или в золе костра. Ели рыбу и мясо вареные (часто полусырые) и вяленые. Почти все потребляли квашеные (так называемые «кислые»), хранившиеся в земле и полуиспорченные продукты (рыбу, мясо, дичь).

Теперь нормальное место в питании заняли хлеб, бывший ранее редким лакомством, крупа, растительное масло, сахар, кондитерские изделия, собственные овощи и молоко (в южных районах). Совершенно изменилось детское питание. Организм получает таким образом почти отсутствовавшие ранее углеводы, минеральные соли.

От прошлого сохранились популярные местные кушанья: юкола, строганина (гольдская «тала»), порса, вяленое мясо и др. Попрежнему широко распространена от Оби до Чукотки и Сахалина смесь из рыбных, реже мясных, продуктов, жира и дикорастущих («дя» лесных ненцев, «хулта» ламутов, «фирун» гольдов, «колобок» чукчей, «толкуша» ульчей, ороков, орочей, камчадал и др.). Бытуют и «лакомства» рыбаков и охотников: рыбы головы и хрящи, костный мозг, печень и ласты, черемуховые лепешки «дутун» и чумизовая каша «бода» гольдов и т. д. Морские охотники, чукчи и эскимосы, потребляют попрежнему много животного жира, необходимого при больших затратах физических сил в арктических условиях.

Отмирает пользование разными дикорастущими в качестве суррогатов чая и возбуждающих или опьяняющих веществ (папоротником, «сладкой травой» — борщевиком, «пьяной травой» — золотистым рододендромом, мухоморами). Исчезла характерная в прошлом нерегулярность питания. Население круглый год питается более или менее одинаково. Прекратились страшные предвесенние голодовки промыслового населения.

Особенно заметно переходное состояние в одежде. Наряду с очень распространенной обычной советской одеждой, повсюду сохранилась, в той или иной мере, старая, самобытная. Очень стойко держится приспособленная к суровой обстановке зимняя и промысловая одежда и обувь: разные меховые «круглые» и двойные рубахи и балахоны (малица, со-

вик, сакуй, парка, гусь, кухлянка), меховые и ровдужные сапоги и чулки (унты, бахари, торбазы, чирки, чижи). Но привились и новые теплые вещи (особенно популярны стеганые ватники и такие же штаны) и специальная промысловая одежда (проолифенные и брезентовые куртки и брюки, резиновые и брезентовые сапоги). Часто встречается причудливая смесь старого с новым. Тунгусы любят пиджаки и русские косоворотки, но упорно носят унты, ноговицы, натазники и головные платки. Очень смешанные формы наблюдаются на Амуре. Старая одежда (халаты, штаны, наголенники, нарукавники) сохранилась в известной мере у всех народностей, преимущественно у старого поколения. Негидальцы и ороки почти утратили самобытную одежду, больше всего уцелела она у орочей и удэ. Женщины удэ и гольджи иногда расширяют старинным орнаментом европейское платье и часто надевают поверх его халат. Матерчатые женские шапки окончательно вытеснены головными платками. Исчезли носовые серьги (на Амуре) и татуировка (у эскимосов), хотя автор наблюдал ее еще в 1937 г. у молодых (14—15-летних) девушек. Проникновение европейского платья сопровождается дифференциацией мужской, женской и детской одежды, в прошлом у многих совершенно одинаковой.

Неправильно было бы считать, что переход к новому быту происходит легко и просто или что процесс этот уже закончился. Столкновение старого с новым, исконных привычек с непонятными и часто чуждыми новыми явлениями происходило порой очень болезненно. Процессы восприятия нового протекают по-разному у различных групп. Зависит это и от общего уровня культуры населения, и от степени сохранения самобытности в прошлом. Одни, архаические и уродливые, с нашей точки зрения, навыки исчезают сравнительно быстро под натиском новых влияний, другие отмирают медленно и бытуют донныне. Наиболее сильные перемены произошли у оседлого населения, в староосвоенных периферийных районах и в местах крупных советских новостроек (Обь, Амур, Сахалин, Охотское побережье, отчасти Енисей, Камчатка, Чукотка и др.). Особенно разительны, конечно, перемены у перешедших к оседлости кочевников.

Легче всего воспринимали новое те группы, которые находились в длительном и близком соприкосновении с русскими старожилыми и перенимали от них хотя бы зачатки высшей культуры или очутились под непосредственным и интенсивным воздействием социалистического строительства. Сюда относятся: приобские и прииртышские остяки, кондинские вогулы, обские и часть кетских и тымских остяко-самоедов, некоторые кеты, низовые негидальцы (ходен), гольды (собственно нанай или монгокан), улчи амурские, камчадалы (ительмены), коряки (карагинские, тигильские), алеуты; из кочевых — канинские ненцы, долганы, карагасы, часть забайкальских и якутских тунгусов, северо-охотские ламуты. Другие, замкнутые и изолированные группы (казымские, аганские, ваховские остяки, ямальские ненцы, таймырские нганасаны, енисейские тунгусы, чукчи, коряки и мн. др.) воспринимают изменения гораздо труднее. Нелегко, в частности, было кочевникам приспособиться к оседлой обстановке. Такие исконные охотники, как тунгусы и ламуты, не представляли себе, как можно постоянно жить на одном и том же месте. Сымские и кетские тунгусы недоумевали, откуда возьмутся дрова, если изведешь весь сушняк около дома и не будешь передвигаться дальше по тайге, как добудешь зимой воду, если в одном постоянном месте поселится много народа. Перейдя в настоящие дома, кочевники нередко покидали их и возвращались в «старое состояние». Смущали их и замкнутое стенами пространство, и размеры нового жилья, и отсутствие привычного костра. Трудно было привыкнуть проводить всю повседневную жизнь не на земле, пользоваться столами,

табуретами, кроватями или нарами. Охотские ламуты прорубали в новых домах пол для устройства костра и над ним выходное отверстие для дыма. Токминские тунгусы жаловались, что болеют — простуживаются в доме. Жены их, привыкшие всегда сидеть на одном месте, у костра, и иметь все под рукой, сетовали: «В избе худо: темно, ходить надо». Первое время они не пользовались печами и отсились к избе, как к чуму.

Еще труднее воспринималась личная гигиена. Не сразу нашло доступ мыло, известное раньше очень немногим. Некоторые, как это наблюдалось нами у коряков, не зная назначения мыла, принимали туалетное мыло, благодаря его запаху, за съедобный продукт. Но вскоре именно это душистое («духовитое» по тунгусскому выражению) и особенно жидкое мыло широко вошло в обиход. Многие привыкли к постоянному умыванию, к ныне популярной бане, даже к небывалому купанью в реке. То же, в общем, надо сказать и о других культурных навыках: ношении нижнего белья, которое вначале «мешало» туземцам, и его стирке, снятии на ночь одежды, стрижке волос, замене древесных стружек и мха полотенцами, бинтами, пеленками.

Началось и оздоровление жилища. Энергичную деятельность в этом направлении проявляют местная общественность, передовые туземки и молодежь. Разъяснения о необходимости чистоты, периодические обходы населения, соревнования, конкурсы на лучшее жилище помогли навести порядок в доме и благоустройство поселков. Образцовые селения карагас, гольдов, алеутов.

Коренная перемена жизненных условий, рост материального благополучия и общей культуры отозвались на физическом состоянии населения. Ликвидирована громадная смертность от губительных эпидемий, опустошавшая целые селения и стойбища. Сильно уменьшилась исключительно высокая смертность, один из главных факторов пониженного в прошлом прироста населения. Заметно смягчены профессиональные (от тяжелых условий промыслового производства) и бытовые заболевания, связанные со скученностью, антисанитарией, вечной жизнью у костра, сырьем и т. д. Естественный прирост населения приближается к нормальному. Повышение прироста, в некоторых случаях значительное, наблюдается у ненцев, тунгусов, коряков, гиляков и др.

Заметно прекращение происходившего до революции угасания некоторых народов Севера и их групп. Сюда относятся кеты (оседлые), ительмены (камчадалы), юкагиры (колымские), карагасы, алеуты. В результате усиленных забот о положении этих малочисленных групп, наступил перелом в естественном движении населения, и после некоторой стабилизации оно стало показывать прирост. Примером служат алеуты и карагасы, находившиеся на грани вымирания. Численность алеутов упала с 619 чел. в 1890 г. до 364 в 1923 г. (убыль составила 255 чел. или 41,2% населения). Несмотря на исключительные заботы об алеутах после советизации Командорских островов (1923 г.), убыль их продолжалась еще около 10 лет, правда, прерываемая в отдельные годы и приростом. Лишь с 1935—1937 гг. наступил, наконец, перелом — сначала стабилизация, а затем наметился и прирост населения⁵⁰.

Изменилась и духовная жизнь малых народностей. На совершенно новой материально-общественной основе социалистического уклада развивается новое общественное сознание, далекое от древней первобытно-общинной идеологии. Восприятие новых, никогда невиданных явлений

⁵⁰ Подробные данные о движении населения алеутов и карагасов приведены в работах автора: «Советские острова Тихого океана», 1938 и «Тофалары сегодня» («Советская этнография», сб. IV, 1940).

во всех областях жизни — в производстве, домашнему быту, общественных отношениях — обогатило сознание жителей Севера, расширило их кругозор. Наблюдения советских исследователей содержат интереснейший материал для изучения процессов восприятия туземцами новой техники, особенно механических двигателей, осознания ими новых общественных явлений, обогащения в результате этого языка, развития отвлеченного мышления, национально-политического самосознания и т. д.

Представление жителей Севера об окружающем ограничивалось довольно узким кругом явлений. Знание явлений природы исчерпывалось теми из них, которые были тесно связаны с промыслами. За пределами материального круга интересов было забвение от алкоголя или одурманивание шаманским ритуалом. На общественных интересах и отношениях лежал тот же отпечаток родовой ограниченности. Редкое общение между разрозненными и изолированными родовыми группами происходило лишь на пьяных ярмарках и сугланах да на тех же ритуалах. Вечный гнет нужды, зависимость от богача-соплеменника, шамана и торговца-эксплуататора создавали психологию рабства, приниженности, забитости, вечного страха. Нищие материально и духовно народы Севера были целиком в плену вековых предрассудков и традиций.

Социалистическое строительство взорвало эту архаическую идеологию. Умственный кругозор людей расширился в результате проникновения к ним новых явлений и знаний. Реалистическое понимание законов внешней природы, биологических процессов в человеческом организме, новой техники вызывает отмирание анимистических и шаманистских представлений, а с ними и вообще влияния шамана как хранителя архаичных традиций.

Малые народы осознали свое достоинство человека, независимо от этнической принадлежности, свое право на жизнь и развитие. У них проснулась жажда знаний, стремление скорее наверстать свою отсталость и полностью приобщиться к новой жизни. Они стали осознавать себя членами единого советского коллектива, строящего социализм. По-своему, примитивно, но правильно объясняли ламуты это новое для них понятие: «Кулака-оленевода, у которого пасли олешек, нет. Колхоз существует. Это что? Социализм это. Нужды у ороча нет. Это что тебе? Тоже социализм. Много добра в колхозе: рыбы, зверя, коров, лошадей. Это все социализм. А клуб, школа, книги, газеты, что это? Социализм».

Интеллектуальное развитие характерно отразилось на лексиконе малых народов, претерпевшем сильные изменения в советскую эпоху. Наряду с отмиранием устарелых слов (царь, исправник, ясак) появилось иное осмысление старой терминологии и много новых терминов. Некоторые из новых слов, преимущественно касающиеся социально-политических понятий, представляют простое заимствование или перенос русских или международных форм. Другие являются продуктом народного языкового творчества, самостоятельным образованием новых терминов на основе своего языка. Они отличаются замечательной выразительностью, образностью, рождены часто ассоциацией или аналогией и свидетельствуют о сметливости и наблюдательности северных народов. Иллюстрируем это немногими примерами. «Часы» — «сердце-стукалка»: стучат как человеческое сердце (чукчи); «самолет» — «железная леталка» (они же) или «летающий пароход» (ульчи), «телефон» — «говорящая проволока» (гольды). «Колхозы» при первом их появлении обозначались у ненцев сложным понятием «вместе работать и жить». Любопытны чукотские термины, относящиеся к коммунистам, — «умнейшие», «старейшие», «передовые».

В сознании северных народностей прочно утвердилось понятие советского государства, социалистического отечества и своего гражданского долга перед ним. Это сказалось еще в период пятилетних планов

и в начальные годы действия Сталинской Конституции и проявилось в полной мере в грозные годы Великой Отечественной войны.

Стремление к участию в обороне страны наблюдалось у малых народов уже в начале 30-х годов. Отдельные группы населения добивались у местных властей права исполнять почетную обязанность — служить в Красной Армии. Карагасы Восточных Саян, ламуты Колымы заявляли: «Охотники наши попадают белке в глаз; так же метко они будут стрелять по врагам, которые вздумают напасть на советскую страну». При обсуждении проекта Сталинской Конституции это стремление стало массовым. Повсюду раздавались требования о призыве народов Севера к исполнению воинской обязанности. Третий чрезвычайный съезд советов Ямало-Ненецкого национального округа постановил: «Просить правительство призывать в ряды Красной Армии ненцев и хантэ, живущих на Крайнем Севере. Мы, ненцы и хантэ, желаем вместе со всеми народами Советского Союза защищать с оружием в руках свою родину». Правительство пошло навстречу этому желанию, и в 1939—1940 гг. состоялся первый призыв в Красную Армию молодежи северных народностей.

В Великой Отечественной войне народы Севера заняли почетное место. Тут они проявили замечательные качества охотников-следопытов: искусство ориентироваться в любой природной обстановке и незаметно подкрадываться; беспримерную выносливость, мужество, хладнокровие и находчивость; исключительную меткость и высокое мастерство стрельбы. Ударники и стахановцы пушного промысла стали на фронте хорошими разведчиками, лыжниками, снайперами. Из глухой тайги и далеких тундр отправились защищать свою родину сотни представителей малых народностей — тунгусы, долганы и ламуты, гольды, ульчи и удэ, гилики, остяки и вогулы, ненцы, карагасы. Многие никогда не выходившие за пределы своего района жители Севера прошли с боями всю Европу. Они защищали Ленинград, освобождали Украину, Румынию и Венгрию, участвовали в битвах на Дунае и на Шпрее. Летописи войны упоминают выдающиеся подвиги туземцев Севера, неоднократно отмеченных высшими наградами⁵¹. Звание Героя Советского Союза получили тунгусы: Эдян, выдающийся разведчик на Южном фронте, Иннокентий Увачан, погибший при форсировании Днепра, и замечательный снайпер Семен Мокононов. Провожая на фронт Мокононова, соплеменник его, старик Бирауль подарил воину заветную древнюю кремневку, которая насчитывает теперь 217 зарубок, означающих число пораженных врагов. Прославились военной доблестью целые семьи представителей северных народов. За свои подвиги получил звание Героя Советского Союза гольд Максим Пассар. После его гибели в боях за Сталинград нанайский народ послал на фронт Александра Пассара. Александр, сперва снайпер, потом разведчик, прославился своим мастерством брать «языков». В ноябре 1943 г. он проник днем в немецкий штаб, взяв документы и 16 немцев, в марте 1944 г. на его счете уже было 25 «языков», и он получил благодарность маршала Рокоссовского, в сентябре того же года он стал Героем Советского Союза с 7 боевыми наградами. Прославился и третий Пассар — Иван, сменивший Максима в обороне Сталинграда.

Больших размеров достигла добровольная помощь фронту. Самый маленький национальный район, Тофаларский, внес свыше 1 млн. руб., тысячи теплых вещей, сотни тонн продуктов питания. Из глухих тундр Ямала поступало золото старой чеканки, хранившееся десятилетиями в качестве «сокровища» отсталыми кочевниками. Чукчи собирали на тан-

⁵¹ Приведенные факты взяты нами из периодической печати национальных районов и округов и сибирских областных и краевых центров. Дополнительные сведения получены от гвардии майора М. Г. Воскобойникова, которому автор, пользуясь случаем, выражает благодарность.

ковую колонну 2 261 719 руб., а после получения благодарности от товарища Сталина в несколько дней собрали еще 2 016 414 руб. Охотники, рыбаки и оленеводы Таймыра приобрели военного займа 1943 г. на 12 млн. руб. Крайний Север стал в это время важным тыловым участком народного хозяйства страны. Даже в глухих его районах появились новые предприятия, развились местная промышленность, земледелие, животноводство и туземное промыслово-оленьеводческое хозяйство.

К послевоенным выборам в Верховный Совет национальные округа и районы Севера пришли с большими достижениями в области хозяйства и культуры, с морально-политическим единством населения, проникнутого горячим чувством благодарности и любви к советской власти и ее великому руководителю. Чувства эти хорошо выразил неграмотный чукча-кочевник, прибывший из далекой тундры на предвыборное собрание в заливе Лаврентия: «Я и мои товарищи-кочевники очень хотели бы хоть один раз в жизни увидеть самого большого человека нашей страны — товарища Сталина, который даже в трудные годы войны не забывал о нас и помогал нашему народу. Мы очень хотели бы поблагодарить его за заботу о нас. Мы выбираем своего депутата и отправляем его в Москву. В Кремле вместе с ним будут глаза и сердца всего нашего народа. Он будет смотреть на товарища Сталина нашими глазами. И пусть от всех нас он скажет большое спасибо любимому вождю советского народа».

Совершившийся впервые в мировой истории переход на путь социалистического развития первобытных охотничьих народов имеет большое научно-теоретическое и практически-политическое значение. Исключительный интерес для науки представляет конкретное разрешение проблемы отсталости в сталинской постановке этого вопроса — происшедшая на глазах современников смена патриархальщины социалистической формой. Изучение экономического, социального и общекультурного состояния малых народов Севера, в котором застала их пролетарская революция, и конкретных путей социалистического переустройства их бытия должно привлечь большое внимание этнографов и историков. Социалистическое строительство у малых народов Севера — замечательный пример торжества ленинско-сталинской национальной политики, ее высокой принципиальности и исключительной гибкости. Только благодаря ей безгосударственные и бесписьменные, распыленные этнографические группы с невиданной быстротой превратились в культурные народности, активно участвующие в жизни нашей социалистической страны.

Не менее велико международное значение этих фактов. Практическое разрешение в СССР проблемы некапиталистического пути развития так называемых примитивных народов дает ключ к ее разрешению во всем мире. Социалистическим строительством на Сибирском севере доказана возможность для самых отсталых племен избежать, при наличии советской демократии, мучительного (а зачастую и гибельного) капиталистического «дозревания». Особенный смысл и значение это приобретает в нашу эпоху, когда расовая дискриминация и национальный гнет усилились во всем колониальном мире и исключительно острыми стали вопросы о так называемых подопечных и зависимых странах.